

1

Весна 1667 г.

Она была на редкость красива: юная, невысокого роста, но уже с соблазнительными округлостями взрослой женщины, проступавшими под ее ослепительно-белым пеньюаром. Она вприпрыжку неслась по траве и оглядывалась, весело хихикая и подмигивая. Людовик тоже смеялся. Он бежал за нею, изо всех сил стараясь догнать, но все же отставал на несколько шагов.

Вот она на мгновение скрылась в лабиринте зеленых боскетов и снова вынырнула, позволив солнцу целовать свое тело. Людовик желал ее страстно, до боли, каждая жилка его тела была напряжена до предела. Ему отчаянно хотелось догнать эту девушку. Сначала азарт погони, торопливые ласки, а потом они рухнут на землю и он сделает то, о чем так давно мечтал.

А она уже пританцовывала в апельсиновой роще. Сорвав на бегу спелый плод, она с улыбкой обернулась. Людовик почувствовал, что и она желает его.

За апельсиновой рощей раскинулся холм, на кото-

ром стоял громадный, залитый солнцем дворец. Роскошный, блистательный, немислимо прекрасный. Такими были бы покои Бога, пожелай Он сойти на землю. Сердце Людовика исполнилось восхищения. Отсюда дворец он видел впервые, однако это величественное здание было неотделимо от короля, оно стало для него родным домом.

Девушка скрылась в арке. Людовик вбежал следом и вдруг очутился в полной темноте.

Он остановился и замер в ожидании.

— Что бы ни происходило у них на глазах, короли не плачут, — слышался знакомый голос. — Да, что бы ни происходило у них на глазах.

Людовик узнал голос матери. Медленно повернувшись, он увидел ее. Она стояла в луче света — воплощение гордости и силы. Одежда королевы была забрызгана кровью. Рядом с нею Людовик увидел своего младшего брата. Тот всхлипывал, стоя на коленях и цепляясь за материнскую руку.

— Страх есть проявление слабости, — ровным тоном произнесла мать. — Страх способен принизить и уничтожить человека. Даже тебя, сын мой.

Людовик застыл, скованный ужасом.

А мать продолжала монолог, он доносился из прошлого.

— Ты был помазан Богом и благословлен солнцем. Однако тебе и сейчас недостает одного существенно важного качества. Силы. Без нее ты обречен на гибель, а с тобою и вся Франция. Мне вполне понятен твой страх. Еще бы! Твоя мать умирает. Мир

в огне. За каждым углом притаились враги. Если истории дано нас чему-то научить, так это одной нехитрой истине: жизнь королей не застрахована от ужасающих событий. Потому-то ты и должен быть во сто крат сильнее обычного человека. Это необходимо, чтобы справляться с любыми испытаниями, какие бы ни преподносила тебе жизнь. Чтобы вызволить нас из тьмы и привести к свету.

Людовик и мать неотрывно глядели друг на друга. От ее взгляда у него перехватило дыхание. Но затем откуда-то снова появилась та прекрасная девушка. Она смеялась и вместе с матерью Людовика протягивала к нему руки и манила пальчиком. После короткого замешательства Людовик шагнул к девушке. Она отшатнулась и убежала. Он бросился за ней.

Выбравшись из темноты, они неслись по анфиладе светлых, роскошно убранных покоев, мимо мраморных статуй и громадных портретов в тяжелых рамах. Затем они оказались в залитом солнцем коридоре с бесчисленными зеркалами, до бесконечности повторяющими дробящееся отражение бегущей девушки: то обнаженную грудь, то фарфоровой белизны плечо, то грациозный изгиб бедра. Проказница вдруг сорвала с себя пеньюар и ногой отбросила его подальше. Теперь она бежала по галерее совершенно обнаженная.

— Я вижу рай, — донесся сзади предостерегающий голос матери. — Но тебе надлежит построить его самому. И возвестить всему миру о

явлении Людовика Великого.

Когда Людовик вбежал к себе в спальню, он обнаружил, что девушка раскинулась на его просторной кровати под балдахин. На полных губах играла дразнящая улыбка. Она медленно раздвинула стройные ноги.

Людовик сорвал с себя одежду, бросился на кровать и навис над девушкой. Неукротимое желание требовало немедленного выхода. Его «мужская снасть» вошла в призывно разверзнутое лоно и принялась совершать столь вожделенные движения. Одно. Другое.

Третье...

Достигнув момента наивысшего наслаждения, он проснулся, стиснув губы, вцепившись пальцами в льняные простыни. Он осознал, что находится в своей темной спальне. Излившееся ему на голый живот горячее семя быстро остывало. Грудь вспотела. Влажные волосы спадали на его лицо. Глаза щипало. Людовик принялся их тереть, сознавая, что уже проснулся, и не желая смириться с этим.

За стенами королевского охотничьего замка бушевала предрассветная буря. В ставни ударял ветер и хлестал дождь. В изножье королевской кровати сидел преданный слуга Людовика Бонтан — мужчина средних лет с добрым и терпеливым выражением лица.

Сон рассеивался, однако Людовик уцепился за одну деталь.

— Передайте архитектору Лево, что я желаю с ним

поговорить, — сказал он Бонтану. — О зеркалах.

Бонтан кивнул.

Снаружи громыхнуло. Приутихший было ветер обрушил на окна новую волну дождя.

Окончательно проснувшись, Людовик прикрыл живот ночной рубашкой.

— Бонтан, как себя чувствует моя королева? Все уверяют, что родится мальчик.

Снаружи вдруг раздался звук разбитого стекла. Сквозь шум ненастья Людовик услышал крики и лошадиное ржание. Затем из коридора донеслись чьи-то тяжелые, торопливые шаги и раздраженные голоса. Спустя мгновение в дверь настойчиво постучали. Бонтан поспешил открыть. В спальню вбежали швейцарцы, а за ними — встревоженные придворные. Гвардейцы с суровыми лицами окружили королевское ложе. Людовик вжался в перину. У него заколотилось сердце.

— Стража, что все это значит? — спросил Бонтан.

— Была попытка покушения на жизнь его величества, — ответил один из гвардейцев.

— Кто дерзнул? Испанцы? Голландцы?

— Этого мы пока еще не знаем. Фабьен бросился в погоню.

— Бонтан, я требую объяснений! — сказал Людовик.

— Ваше величество, — встревоженно начал первый камердинер, — вас безотлагательно следует препроводить в караульное помещение.

Бонтан подошел к окну и закрыл ставни.

Смотрители королевского гардероба подошли к августейшей особе, дабы снять с него ночную рубашку, однако Людовик оттолкнул их.

— Кто осмелился приказывать королю? — раздраженно спросил он.

Людовик поднялся и направился к Бонтану.

— Отойдите от окна! — крикнул один из гвардейцев.

— Бонтан, кто эти люди? Я их не знаю! — сказал Людовик.

Меж тем гвардейцы окружили короля и насильно увели его от окна. Людовик отбивался.

— Я никуда не поеду! Мой второй сын родится здесь, в Версале! Пока я дышу, меня никто и ничто не испугает. Я не намерен покидать Версаль!

Однако швейцарские гвардейцы не слушали его, а королевские камердинеры и смотрители королевского гардероба делали свое дело. Потом гвардейцы вывели Людовика из спальни и повели по тускло освещенному коридору. Ошеломленные придворные, мимо которых проходил король, торопливо кланялись. Людовику удалось высвободиться из рук гвардейцев, однако он был бессилен против человеческого потока, несшего его по коридору.

— Где Филипп? — требовательно вопрошал король. — Где он? Где мой брат?

Филипп, младший брат короля, носивший титул Месье¹, отступил, поднял голову и улыбнулся красивому молодому человеку с вьющимися волосами,

сидевшему в бархатном кресле напротив него. На Шевалье² — так называли этого молодого красавца — была лишь белая рубашка и больше ничего, так что Филиппу было значительно легче наслаждаться изысканным лакомством, находящимся у Шевалье между ног. Филипп с таким упоением предавался своему делу, что Шевалье вцепился в подлокотники кресла, прежде чем склонить голову в момент наивысшего наслаждения.

— Боже милосердный, да у тебя талант, — пробормотал сквозь зубы Шевалье.

Филипп улыбнулся. Разумеется, талант. Внезапно кто-то забарабанил в дверь. Филипп недовольно оглянулся, но тут же вновь сосредоточился на каменной от возбуждения, соблазнительно блестящей «мужской снасти» Шевалье. Он склонился, чтобы вновь взять ее в рот, однако удары в дверь продолжались.

— Месье, король зовет вас к себе! — крикнул через дверь лакей.

Шевалье бросил мрачный взгляд на дверь.

— Мы слышим!

Филипп заправил за ухо прядь темных волос, виновато улыбнулся Шевалье и нехотя поднялся. Шевалье только небрежно опустил рубашку, частично прикрыв наготу.

Филипп распахнул дверь.

— Младенец уже родился?

— Вам следует немедленно идти к его величеству, Месье, — объявил лакей.

Филипп закатил глаза, зевнул и обернулся к Шевалье. Тот махнул унизанной кольцами рукой и сказал:

— Велю-ка я принести нам перекусить.

— Мне уже ничего не хочется, — ответил Филипп и вышел из комнаты, затворив за собой дверь. Он еще не успел высказать свое недовольство по поводу того, что им помешали, как лакей сообщил ему о попытке покушения на жизнь короля.

— Виновных уже арестовали? — спросил Филипп, разом позабыв про телесные улады.

Лакей отрицательно покачал головой:

— Пока еще ищут, Месье.

В столь ранний час блестящая от дождя главная площадь Версаля была темна и пустынна. Большинство жителей еще спали. Посреди улицы стоял глава королевской полиции Фабьен Маршаль, держа в руках поводья четырех испуганных лошадей. Его сощуренные светло-карие глаза были полны решимости. Ждать осталось недолго. Мгновение, еще одно. Вот и они! Четверо испанцев, больше похожих на едва различимые тени, крадучись появились из переулка и приблизились к Фабьену.

Самый рослый из четверых остановился и посмотрел на Маршала, затем на пустую уличную коновязь.

— Где мои лошади? — перекрывая шум дождя, крикнул он.

— Уж не эти ли? — спросил Фабьен.

Он выпустил из рук поводья, похлопал лошадей по

крупам, и животные умчались в темноту.

Лицо испанца исказилось от ярости. Чавкая по грязи, он двинулся к Фабьену. И в тот же миг из соседних переулков появились два десятка гвардейцев, которые окружили испанцев.

— Господа, вы никак заблудились? — осведомился Фабьен.

Рослый испанец выругался, понимая, что это единственное, что он может сделать. Он зарычал и, выхватив из-под плаща тесак и карабин со спиленным дулом, бросился на Фабьена. Гвардейцы прошили его несколькими пулями. Испанец повалился в грязь. Маршал прижал его к земле, наступив ногой ему на лицо. Испанец сопротивлялся, пока не испустил дух. Оставшиеся трое хотели дать деру, однако гвардейцы встали у них на пути.

— Бросьте оружие! — велел им Фабьен.

Испанцы бросили карабины и замерли, прижавшись спинами друг к другу, как стадо, защищающееся от хищников. Фабьен Маршал подошел к ним, встретился глазами с самым молоденьким, совсем мальчишкой, и взгляд главы королевской полиции был холоден, как преисподняя.

Людовик дернул плечом, пытаясь вырваться от гвардейцев, сопровождающих его в спальню. Как же их много. Тянут к нему руки, толпятся вокруг, словно хотят придушить. «Оставьте меня!» — кричал его внутренний голос. Еще какие-то лица: одни смотрят на него с искренним беспокойством, другие притворно

тревожатся, и все сливается в невыносимое зрелище.
«Оставьте меня в покое!»

Оказавшись в спальне, король подошел к окну и прислонился лбом к стеклу. Он задыхался. Стекло запотело, и его отражение затуманилось. Бонтан, гвардейцы и горстка придворных, беспокойно переминаясь с ноги на ногу, теснились в углу. Людовик спиной чувствовал их взгляды: ждущие, молчаливо вопрошающие.

«Оставьте меня!..»

Потом он услышал знакомый детский голосок. Мальчишеский. Слабый, едва слышимый, пробившийся к нему из прошлого.

— Мама, куда мы едем? — хныкал ребенок.

Людовик повернул голову, дымка его печали рассеялась, и он увидел мать. Она беспокойно хлопотала в роскошно обставленной спальне, укладывая в большой сундук шкатулки с драгоценностями. В другой сундук фрейлина укладывала платья и туфли королевы.

«Мать...»

— Мы покидаем Париж, — ответила Анна и решительно сжала губы. — И больше сюда мы не вернемся... Поторапливайтесь! — прикрикнула она на фрейлину.

— Мне страшно! — всхлипнул мальчик.

Анна сурово поглядела на сына:

— Короли не плачут.

«Короли не плачут...»

Людовик прикрыл глаза, перевел дух и снова их

открыл. Видение исчезло. Остались лишь молчаливые подданные, не спускавшие с него глаз. Король отвел от них взгляд и стал смотреть на проливной дождь, явно вознамерившийся затопить весь мир.

Открылась дверь, и кто-то вошел. Людовик узнал характерное покашливание.

— Расскажи мне, Филипп, что происходит? — не оборачиваясь, спросил король.

— Людям Фабьена Маршала удалось раскрыть очередной заговор, — ответил брат Людовика. — В городе схватили четверых. Они были посланы, чтобы убить тебя. Мы должны немедленно ехать в Париж. Здесь небезопасно.

— Мне решать, куда ехать и что делать. — Король кивнул в сторону гвардейцев и придворных. — Вели им убраться отсюда.

— Оставьте нас, — распорядился Филипп.

Толпа в молчании покинула спальню, оставив короля наедине с его первым камердинером и братом.

Людовик быстрыми шагами подошел к стоящему посреди комнаты столу и оперся о него сжатыми кулаками, так, что почувствовал кожей шероховатости дерева.

— Тебе снова приснился тот сон? — спросил Филипп.

Людовик что-то проворчал. Брат слишком хорошо его знал.

— Ты держал ее за руку, — наконец произнес король.

— Ты бы тоже мог.

— Меня они не удостоили такой чести! Моя мать...

Людовик не договорил и принялся расхаживать между столом и окном.

— Кто может позволять королю, кроме самого короля? — настаивал Филипп.

— Тебе этого никогда не понять! Есть нечто, тебе недоступное.

Филипп покачал головой и повернулся, чтобы уйти, однако Бонтан предостерегающе поднял руку:

— Его величество не позволяли вам уйти.

— Мой дорогой Бонтан, я очень хорошо знаю этот взгляд, — насмешливо произнес Филипп. — Сейчас кому-то достанется. Хорошо бы, чтобы не мне.

— Они намерены меня убить, — сказал Людовик, тыча пальцем в сторону брата. — Пусть сунутся. Пусть попробуют!

— Тебе принадлежит власть, — ответил Филипп. — Будь в этом уверен.

Людовик снова остановился возле окна. Его взгляд блуждал, словно ища что-то в струях дождя, в королевских лесах, смутные очертания которых едва виднелись где-то вдаль. Его воображение рисовало деревья, природу — величественную, роскошную, и досада, наполнявшая душу, постепенно утихла.

— Олени в наших лесах ходят по тем же тропам, что и их предки, — сказал король. — Ходят сотнями лет. Их водит инстинкт, которому они следуют не задумываясь. Если вы приведете меня в лес, завяжете глаза, а затем заставите крутиться вокруг своей оси

хоть сотню раз, я все равно найду обратную дорогу. В окрестных лесах нет ни одной тропинки, по которой бы я не ходил. Нет ни одного дерева, на которое бы я не взбирался. Здесь мои охотничьи угодья. И здесь я останусь.

Людовик повернулся к Филиппу.

— А теперь ступай, — почти весело проговорил он.

Филипп и Бонтан озабоченно переглянулись, а он вновь перевел взгляд на мокрое от дождя стекло.

Наконец, словно устав от себя самого, дождь прекратился, оставив насквозь промокший, озябший Версаль. Люди Маршала несли факелы, поднимая их как можно выше. Колеблущееся пламя освещало лица идущих и раскисшую дорогу.

Троих оставшихся в живых заговорщиков нещадно избили, отчего те едва держались на ногах, пока гвардейцы обыскивали их одежду. Улов оказался скудным: несколько монет да охотничий нож с зазубренным лезвием. И вдруг в плаще одного из пленных гвардеец обнаружил свернутую трубочкой бумажку. Свою находку он сразу же передал Фабьену.

Маршал торопливо развернул записку и поднес поближе к пламени. Вдоль кромки тянулся хитроумный шифр, состоявший из букв и непонятных символов. Главе королевской полиции как раз и требовалось нечто подобное.

Довольно ухмыляясь, он кивнул гвардейцу, державшему изъятый нож с зазубренным лезвием.

— Ложись! Носом в землю!

Гвардеец полоснул ножом по ахилловым сухожилиям двоих пленных постарше, причем с такой силой, что едва не отрезал им ступни. Испанцы с воплями рухнули в грязь. Мальчишка закрыл глаза и зашептал молитву.

Жан-Батист Кольбер — главный контролер королевских финансов — был человеком усердным и необычайно трудолюбивым. Сидя в своем скромном кабинете в Версале, он собирал налоги и записывал их суммы в приходную книгу. Ему было под пятьдесят. Кольбер не питал симпатий к роду человеческому, а в особенности к тем, от кого принимал деньги. Но труд, выполняемый им, был поистине титаническим. Отпустив очередного налогоплательщика, от которого нещадно воняло потом, он приказал звать следующего, когда в его кабинет ворвался военный министр Лувау, сопровождаемый Фабьеном и несколькими гвардейцами. Лувау выпроводил плательщиков налогов и закрыл дверь кабинета.

— А знаете, господа, — хмыкнув, сказал Лувау, — вчера я проснулся на перине, набитой гусиным пухом, и любовался своими землями. Они протянулись на несколько лье, до самой реки. Здесь же я вынужден спать в тесной каморке. Все подсчеты мы благополучно завершим в Париже. — Он повернулся к гвардейцам. — Хорошенько закройте сундуки и погрузите их на повозки. По четыре человека на сундук.

— Как прикажете это понимать? — спросил Кольбер, вставая из-за стола. — У меня работы выше головы!

Фабьен поскреб ногтем кровавое пятно на мундире.

— Мы узнали, что четверо испанских наемников готовили покушение на его величество. Осуществить свой гнусный замысел они собирались, когда король поедет охотиться. Сегодня под утро мы их схватили.

— Рад слышать, — сказал Кольбер. — Похоже, они вознамерились одним ударом обезглавить нашу новую кампанию.

— Мадрид не пляшет от радости, зная о наших видах на Фландрию. Кстати, и голландцы тоже.

Кольбер махнул в сторону сундуков, которые гвардейцы стронули с места.

— А ведь могли бы... повернись все по-иному. При таких доходах война нам просто не по карману. У нас едва хватило бы денег на одно сражение.

— Королева должна затребовать свое приданое, — сказал Фабьен Маршалль. — Испанцы не заплатили. По сути, они прикарманили эти деньги.

— Версаль — ужасная глушь, — скрестив руки на груди, заявил Лувау. — Оборонительные сооружения здесь хлипкие. Считайте, их вовсе нет. Чем раньше мы вернемся в Париж, тем лучше.

— Днем королю будет угодно выехать на охоту. Я очень сомневаюсь насчет того, что мы сегодня тронемся в путь... — начал Фабьен.

— Охоту я отменил, — перебил его Лувау. —

Поохотиться его величество сможет и в Фонтенбло.

— В таком случае господин Бонтан непременно должен...

— Я очень сомневаюсь, что король и его первый камердинер способны в полной мере оценить степень угрозы. В любом случае такие вопросы не решаются единолично королем. Министры, государственный совет — мы все должны стоять у руля и вести корабль. Неужели вы думаете, что страну правит один человек?

Сказав это, Лувау велел гвардейцам выносить сундуки. Тут дверь распахнулась, и в кабинет Кольбера вошел Бонтан. Лицо обер-камергера было хмурым.

— Бонтан, король уже оповещен о сложившемся положении? — спросил Кольбер. — И каково мнение его величества?

— Я... не знаю.

Фабьен наклонил голову и, по обыкновению, прищурился:

— А где сейчас находится его величество?

— Говорил, что собирается сюда.

— В таком случае мы должны разыскать короля, — заявил Маршаль, стиснув кулаки и шумно дыша.

Бонтан поспешно повернулся к двери. Фабьен схватил его за руку.

— Но только без лишнего шума, — предостерег он первого камердинера.

Стук лошадиных копыт напоминал удары сердца — быстрые, сильные. Их звук проникал в землю и в

тело Людовика, отчего он чувствовал себя одним целым со своей лошадью, с туманным утром и — со свободой. Король пригнулся в седле, крепко сжимая поводья. Его кобыла неслась галопом через лесистую часть королевских охотничьих угодий. Естественно, Филипп станет его разыскивать. Да и Бонтан не на шутку встревожится. Наверное, они уже послали на его поиски гвардейцев. Но сейчас все они далеко от него. Людовик вдруг снова ощутил себя мальчишкой, улизнувшим от взрослых, и испытал детскую радость.

— А-а-а-а! — крикнул он небесам.

Людовик свернул с дороги. Подобно громадному крылу, его плащ вздымался и опадал на ветру. Певчие птички стаями взмывали в воздух, спасаясь от копыт мчащейся лошади.

А впереди стволы старинных дубов клонились друг к другу. Их кроны переплетались, образуя густой зеленый покров над головой. Людовик пришпорил кобылу, направляя ее к этому роскошному зеленому туннелю. Он взглянул вверх, на редкие пятна голубого неба, и сейчас же снова припал к седлу. Сделано это было как нельзя вовремя, иначе низкая ветка выбила бы его из седла. Король нагнулся и рассмеялся над бедой, в которую чуть не попал.

Вперед! Только вперед.

Наконец тропа вывела его к речке и рощице. Людовик направил лошадь через подлесок к полянке, где и спешил. Он стоял в молчаливом благоговении, вбирая в себя простую красоту розовых луговых цветов, волнистых трав и подернутой рябью

речной воды. Подойдя к берегу, Людовик опустил на влажную землю и некоторое время смотрел на свое отражение в воде. Потом зачерпнул в ладони холодной воды и плеснул на лицо.

Свобода. Ясность.

Неожиданно его лошадь захрапела, ударила копытами и рванулась прочь.

Людовик вскочил на ноги. Обернулся.

Из подлеска показался волк: тощий, облезлый и явно голодный. Увидев человека, волк зарычал. Людовик напрягся. Рука сама потянулась к короткому мечу.

«Ну что, король леса? — подумал он. — Никак ты осмеливаешься бросить вызов королю Франции?»

Краешком глаза Людовик увидел еще двух волков, таких же тощих и голодных. Они вышли из-за кустов и стояли, опустив головы и щурясь на потенциальную добычу. Пальцы Людовика сжали эфес меча. Он тоже сощурился. Он был готов к сражению. Пусть только сунутся.

— Что ты делаешь? — раздался за спиной знакомый разгневанный голос.

Через мгновение на полянку вылетела лошадь и замерла как вкопанная. Лицо всадника было красным и сердитым.

Волки спешно ретировались.

— Брат, они могли бы тебя растерзать! — крикнул Филипп, соскакивая на землю.

Людовик убрал руку с эфеса и пожал плечами:

— Возможно.

— Возможно? — Филипп покачал головой и вдруг невольно рассмеялся. — Порою ты превосходишь даже самого себя!

Людювик оглянулся, желая убедиться, что волки действительно ушли, а не притаились, затем вновь повернулся к брату. Какой редкий момент им выдался! Они с братом — наедине, когда он может говорить свободно, не опасаясь посторонних ушей.

— Мы с тобой очень давно не оставались наедине, как сейчас, — сказал Людювик. — Вряд ли нам опять представится такая возможность. Поэтому я хочу, чтобы ты меня выслушал. Я намерен вытащить нашу страну из тьмы и привести к свету. Вскоре родится новая Франция, и ее отцом станет этот дворец.

— Этот дворец? — сдвинув брови, переспросил Филипп.

— Да, — подтвердил Людювик, и его палец указал на север.

— Охотничий замок нашего отца?

— Версальский дворец.

Издали послышался лай собак и звуки рожков. Они приближались.

— Никто из нас не выбирал себе такую жизнь, — сказал Людювик. — Судьба просто привела нас сюда. И мы должны строить то, что предначертано нам судьбой.

Лай и рожки зазвучали громче.

— Великие перемены обязательно породят новых врагов, — продолжал король. — Вскоре мы в этом убедимся. И потому мне сейчас важно знать только

одно. Все остальное не имеет значения. Скажи, брат, ты со мной?

Филипп выдохнул.

— Могу ли я рассчитывать на твою поддержку? — спросил Людовик.

Филипп выдержал пристальный взгляд брата:

— А чем, по-твоему, я занимаюсь сейчас?

Людовик глядел на него еще несколько секунд, затем удовлетворенно кивнул. Где сейчас его кобыла, он не знал, поэтому вскочил на коня Филиппа и помог забраться брату, усадив позади себя. Он пришпорил лошадь и выехал навстречу поисковому отряду.

— Ваше величество! — успел воскликнуть кто-то из гвардейцев, однако августейшие братья проехали мимо, не проронив ни слова. Фабьен, Бонтан и военный министр Лувуа молча смотрели на них, после чего повертели своих уставших, тяжело дышащих лошадей и двинулись следом.

Вернувшись в Версаль, Людовик присел на скамью в передней, чтобы разуться. Караул и придворная знать с заметным облегчением глядели на него. Король не пострадал!

— Я проголодался, — объявил Людовик, сбрасывая с ноги сапог.

К нему приблизился Лувуа:

— Ваше величество, слава богу. Леса и этот городишко кишат заговорщиками. Вам следует незамедлительно ехать в Париж.

Людовик стянул второй сапог.

— Мы никуда не поедem.

— Но, — смущенно пробормотал Лувау, — военный совет... Все генералы ожидают вас в Лувре.

Людовик встал, исполненный властного неповиновения. Среди десятков лиц, окружавших его, он заметил физиономию угрюмого аристократа Монкура, по которой было невозможно понять, хмурится тот или улыбается.

— Пригласите генералов на обед, — сказал Людовик, вновь поворачиваясь к Лувау. — Пусть война пожалует сюда.

Изящные стороны жизни доставляли Фабьену Маршалю мало удовольствия, однако власть он любил и наслаждался ею, как гурман наслаждается любимым деликатесом. Власть получали те, кто ее заслуживал. Власть налагала на облеченного ею круг обязанностей, но имела и свои привилегии.

Тюремная камера освещалась одним чадящим факелом. Посреди нее стоял самый младший из схваченных заговорщиков. Бравада, свойственная юности, отнюдь не исключала эмоциональных слабостей.

Босые ноги парня были закованы в кандалы. От его грязного, перепачканного кровью тела остро разило мочой. Юный узник корчил гримасы, пытаясь скрыть владевший им ужас, но его выдавали трясущиеся руки.

Рядом, на деревянном столе, лежал один из взрослых заговорщиков, раздетый донага. Дыхание этого узника было частым и неглубоким. Кожаные ремни,

удерживающие его на столе, успели взмокнуть от пота и прочих выделений. Вместо ступни левой ноги была сочащаяся кровью культя. На втором столе лежали орудия, которые Маршалль считал весьма полезными в пыточных делах: молоток, несколько ножей, клещи, какими пользуются кузнецы, когда им надо подковать лошадь, а также инструменты помельче. Последние вполнегодились бы какому-нибудь доброму дантисту, и он употребил бы их для целей, прямо противоположных цели Фабьена, и при иных обстоятельствах.

Фабьен с безразличием взирал на парня.

— Ты ведь наверняка знаешь имя, — сказал он. — Имя друга. Назови мне его.

Парень, не в силах отвести взор от своего изуродованного спутника, покачал головой. Его глаза застыли от ужаса.

Фабьен подошел к столу с инструментами.

— Только... только Кальдерон знал! — вдруг выпалил юный узник. — Он сказал... мы получим известие.

Фабьен достал из-под рубашки бумагу с шифром, изъятую при аресте заговорщиков.

— Это? — спросил Фабьен, указывая на зашифрованные строчки.

— Я такой бумаги прежде не видал, — прошептал парень.

Фабьен допускал, что мальчишка не врет. Этот малец заговорит, обязательно заговорит. Нужно лишь еще немного его «подбодрить».

Повернувшись к столу, Фабьен взял молоток и клещи, покачал ими в воздухе, словно проверяя их вес, затем перешел к связанному узнику. Оглядел тело, выбирая, откуда лучше всего начать. Он ударил молотком по культе, расплющив кость. Узник, до этого пребывавший в полубессознательном состоянии, очнулся и испустил душераздирающий крик. Парень взвыл от ужаса.

Далее Фабьен пустил в дело клещи, раздробив несчастному оба предплечья. Он сжимал рукоятки клещей, пока кости не хрустнули, как лучинки для растопки. Покончив с предплечьями, глава королевской полиции взялся за пальцы, которые ломал по одному, неторопливо и методично. Бедняга бился в ремнях, умоляя Бога сжалиться над ним. Фабьен улыбался, ощущая свое могущество, но не желая оказывать милосердие этому искалеченному мерзавцу. Мальчишка ревел в голос. Слезы вперемешку с соплями текли у него по щекам и подбородку.

Минут через десять пленник отдал Богу душу. К тому времени узнать его можно было лишь по копне волос на голове.

Фабьен бросил щипцы на стол, подошел к рыдающему парню и вытер окровавленные руки о его камзол.

— Когда я вернусь, ты назовешь мне имя, — почти отеческим тоном произнес Маршал.

Генриетта вышла из купальни. Вода ручейками

стекала по ее белоснежным чувственным грудям, лилась на плоский живот и по-женски округлые бедра. Генриетта провела рукой по мокрым, выгоревшим на солнце волосам, стряхивая с них капли. К ней тут же устремились две фрейлины, облачили в халат и повели к двери домика, находящегося рядом с большой купальней.

Купальня и домик стояли посреди зеленой лужайки, ниже королевского охотничьего замка. Окруженный фруктовыми деревьями и живой изгородью, этот уголок дарил отдохновение, красоту и уединение, когда кто-то в нем нуждался. Генриетта подняла голову, бросив взгляд в сторону дворца, и вдруг заметила уродливого однорукого садовника Жака. Тот глядел на нее, стоя с лопаткой посреди кустов и не думая уходить. Всем своим видом калека давал понять, что видел ее купание. Генриетта торопливо отвернулась.

Войдя в купальный домик, Генриетта отправилась в комнату для переодевания. Фрейлины послушно семенили за нею. Стоило ей переступить порог, как дверь комнаты мигом закрылась, оставив ошеломленных фрейлин топтаться в коридоре.

Генриетта сразу же увидела белые лепестки, живописно разбросанные по полу. Подняв один, она прижала его к губам. Она задрожала, но не от холода, а от того, что сейчас произойдет. Сердце Генриетты забило сильнее, межножье увлажнилось.

— У тебя такой вид, будто ты замерзла, — произнес тот, кто закрыл дверь.

— По правде говоря, мне скорее жарко, — ответила Генриетта.

Она повернулась лицом к королю. И снова ее удивило, сколь быстро его пронзительный взгляд, темные волосы и бурлящая мужская сила сделали ее слабой, но в то же время полной жизни и любви.

— Туберозы, — сказала она, понюхав лепесток.

— Цветы весны, — ответил Людовик.

Он крепко прижал Генриетту к себе.

— Да, вестники весны, — прошептала она.

Она шевельнула плечами, сбрасывая тунику; она упала на усыпанный лепестками пол. Людовик смотрел на ее тело взглядом художника, любующегося шедевром.

— Как поживает твой супруг?

— Прошу, не будем сейчас о нем говорить.

— Я хочу услышать твой голос.

— Но ведь это ты велел мне выйти за него.

— А как еще я смог бы удержать тебя подле себя?

Людовик еще крепче сжал ее в объятиях. Ее чувственные соски, отвердев от желания, уперлись в ткань его рубашки.

— Что бы ты хотел от меня услышать?

Людовик уткнулся носом в ее шею.

— Я хочу, чтобы ты мне рассказывала... — король поцеловал ее в губы, затем приподнял ей груди и стал их медленно облизывать: сначала одну, потом вторую, — обо всем, что он говорит и делает.

Людовик опустил на пол, увлекая Генриетту с собой. Она легла на спину. Король торопливо сбросил

панталоны и очутился на ней. Генриетта смотрела на него, дышала им, его чувственностью и силой. Сейчас у нее не было иных желаний, кроме как видеть его над собой, на себе и ощущать, как он входит в нее. Людовик коленями раздвинул ей ноги. «Ах, — подумала она, — королевский меч готов пронзить мои лепестки».

Так оно и было.

В покоях Шевалье происходили поспешные приготовления к отъезду. Юный слуга только успевал поворачиваться, исполняя указания Шевалье, отдаваемые ворчливым, недовольным голосом. Слуга укладывал одежду в несколько сундуков. Сам хозяин расположился за освещенным пыльными лучами солнца столом и лакомился устрицами, дикой уткой и копченым угрем.

Стоя возле стола, Филипп наблюдал, как один трудится над сундуками, а другой — над блюдом.

Шевалье положил пустую раковину на край тарелки и вытер рот рукавом.

— Я думал, что потерял тебя навсегда. Знал бы ты, как я переволновался!

Филипп нахмурился:

— Нет, это тебе несвойственно. И куда, позволь спросить, ты собрался?

Кивком Филипп указал на сундуки.

— Ты еще спрашиваешь? Неужели ты всерьез собираешься оставаться в этой дыре? Не далее как сегодня утром на короля покушались. А если эти

злодеи доберутся до него, кто следующий? — Не дав Филиппу ответить, Шевалье поднял брови и указал на него пальцем. — У них вполне может быть такой замысел.

Филипп даже попятился.

— И ты бы допустил мою гибель?

— Порою ты так медленно соображаешь. — Шевалье покачал головой, показывая свое недовольство. — Принц, малыш Луи всегда выглядел немножко... слабым и болезненным. Ты не находишь?

— Перестань!

— И я о том же. Сколько детей умерло здесь? Каковы шансы у малыша, родившегося шесть лет назад, дожить до возраста, когда начинают носить парики? Я уже не говорю о шансах дожить до коронации. Потому-то твой брат так отчаянно хочет второго сына. И все вокруг спят и видят, что у короля родится еще один мальчик.

Филипп сердито глядел на Шевалье. Он не желал слушать подобные речи.

— Неужели ты не понимаешь? — продолжал Шевалье. — Когда затеи твоего брата потерпят крах, все перейдет к тебе. И что ты станешь делать? Представляешь, в один прекрасный день в твоих руках вдруг окажется вся полнота власти! — Шевалье лукаво улыбнулся. — Неужели ты бы обрек нас и дальше гнить в этом болоте? Нет. Ты бы сделал Париж столицей мира, где бы мы каждый вечер пировали и веселились.

— Убери все на место! — крикнул слуге Филипп.

— Все!

Бедняга-слуга вздрогнул и выронил из рук камзол.

— Нет! Продолжай собираться! — приказал слуге Шевалье. Он провел рукой по спинке своего стула и вперился глазами в Филиппа. — Что это за король, который позволяет себе в одиночку ехать на охоту, а потом не может выбраться из лесу? Твой брат утратил здравый смысл и заодно себя самого. Просто образец первостатейного идиота.

Не выдержав, рассерженный Филипп вlepил Шевалье звонкую пощечину. Шевалье вскочил на ноги, отшвырнув стул, и ударил Филиппа кулаком в грудь. Месье скорчился от боли. Тогда Шевалье схватил его за руку и толкнул на кровать. Повернувшись к ним спиной, юный слуга продолжал сборы.

— Как прикажешь это понимать? — стиснув зубы, спросил Шевалье, нависнув над распластанным Филиппом. — Ты что же, пытаешься управлять мною?

Филипп смотрел на своего возлюбленного, испытывая ярость, страх и, помимо прочего, сильное возбуждение. Последнее было вызвано напористостью Шевалье.

— Ты не смеешь так говорить о моем брате, — пробурчал Филипп.

Шевалье презрительно фыркнул и нагнулся к нему, почти касаясь носом носа Филиппа.

— Душечка, ты только что видел, каков я на самом деле. Я говорю то, что думаю.

Сказав это, Шевалье сдернул с Филиппа панта-

лоны. «Мужская снасть» Месье мгновенно вздыбилась и окаменела. Шевалье торопливо расстегнул свой пояс.

— Суди о человеке не по словам, а по поступкам. Можешь не волноваться. Я буду милосердным королем, — заявил Шевалье.

Людовик не стал заранее извещать о своем приходе. Он просто вошел на половину своей супруги, королевы Марии Терезии. Увидев мужа, темноволосая и ясноглазая королева удивленно вскрикнула и улыбнулась. Ее фрейлина, сделав реверанс, поспешила удалиться.

Покои королевы были обставлены со вкусом и изяществом, однако в них остро пахло унынием и одиночеством. Людовик вспомнил, что давно не бывал на половине жены, но такова уж жизнь короля.

Между тем приход Людовика вдохнул жизнь в Марию Терезию. Она пошла навстречу мужу, расправляя складки зеленого шелкового платья на своем выступающем животе. Произнеся несколько слов, королева вдруг заметила, что Людовик явился не один. Помимо Бонтана, возле двери стоял незнакомый ей человек. Улыбка Марии Терезии погасла.

— Позвольте представить вашего нового доктора, Массона, — сказал Людовик, указывая на немолодого лысоватого мужчину с неровными зубами. — Он будет наблюдать за вашим состоянием и в надлежащее время примет роды.

Массон поклонился королеве.

— Ваше величество, — начал он, — я рассматриваю это назначение как апофеоз чести, оказанной мне и моей семье.

— Que? ³ — спросила Мария Терезия, беспомощно глядя на Людовика.

— Королева родом из Барселоны, — пояснил врачу Людовик, после чего повернулся к жене. — Не пытайтесь спрятаться за родным языком. Это в высшей степени неучтиво.

Мария Терезия нахмурилась и в знак извинения кивнула.

— Он с нетерпением ждет встречи с вами, — сказала она королю, вновь дотрагиваясь до живота. — Когда мы поедem домой, в Париж?

— Здесь уже приготовлено ложе для родов, — ответил Людовик. — Мы никуда не поедem. Доктор, вы согласны, что королеве следует рожать в Версале?

— Целиком и полностью, ваше величество, — закивал Массон.

Людовик отпустил врача, вручив его заботам Бонтана.

Супруги остались одни. Хмурясь, Мария Терезия негромко сказала:

— Мне неприятно, что меня держат взаперти. Вы ходите к мессе без меня. Я ревную.

— Дорогая, все это делается ради благополучия ребенка. И для вашего тоже.

— Тогда давайте вернемся в Париж. Заприте меня там в четырех стенах.

Людовик подвел ее к кровати, где они и сели. Он

гладил ее по волосам, как обиженного ребенка, нуждающегося в утешении. Мария Терезия знала: король не согласится на возвращение в Париж.

— Хотя бы прикажите, чтобы у меня поменяли гобелены, — сказала Мария Терезия. — Вы же обещали.

— Прикажу.

— Осмелюсь напомнить и о других ваших обещаниях. Без вас моя постель слишком пуста.

Людовик дотронулся до живота супруги и ощутил сильный толчок изнутри.

— Какой сильный! — восхищенно произнес король.

— Весь в отца.

— Ваше величество, — послышался из-за двери голос Бонтана, — отец Боссюэ призывает нас в часовню.

Мария Терезия глядела в пол. Скука, владевшая ею, внезапно сменилась беспокойством.

— Когда придет срок, мне бы не хотелось, чтобы здесь было многолюдно, — медленно, тщательно подбирая слова, сказала она.

— Это почему же?

— Я чувствую себя совсем не так, как в прошлый раз.

Людовик поцеловал ее в щеку, ощутив высохшие слезы.

— Все будет хорошо. Не бойтесь, моя дорогая.

С этими словами Людовик встал и вновь покинул свою королеву.

«И опять я одна», — подумала Мария Терезия, когда за королем закрылась дверь. Вспыхнувшая было радость померкла.

— Чаю, — сказала она застывшей фрейлине. — И подайте немедленно.

И вновь ее окружали лишь безмолвные стены, одинокая постель, опостылевшие гобелены. Ни одного повода для радости. Ровным счетом ничего...

Невеселые мысли королевы были вдруг прерваны... щекоткой. Ей щекотали бедра. Мария Терезия захихикала. Она знала, кто отважился на такое...

— Набо!

Карлик-арапчонок, одетый в яркий, с обилием оборок костюм, высунул голову из-под юбки королевы.

— Малыш готовится к выходу! — писклявым голосом возвестил шут.

— Какой же ты проказник, Набо! — улыбнулась королева, радуясь этой перемене.

Набо окончательно выбрался из-под складок зеленого платья Марии Терезии, вскочил на ноги и церемонно поклонился. Потом перекувырнулся, позвякивая колокольчиками, пришитыми к его наряду.

— Марш в кровать! — приказала Мария Терезия, щелкнув пальцами.

Набо влез в свою маленькую кроватку и пощениачьи свернулся калачиком.

Месса окончилась. Прихожане покидали замковую церковь, выходя через изысканно украшенные двери

на неяркий солнечный свет. Людовик стоял в королевской ложе, возвышавшейся над скамьями, и смотрел на проходившую знать. Придворные кланялись, дамы приседали в реверансах. Все надеялись быть замеченными его величеством, а кое-кто рассчитывал, что их речи не достигнут королевских ушей.

— Как печально не видеть Сены. Весной она так прекрасна, — тихо сетовал Лувау, шедший вместе с Кольбером и Филиппом.

Филипп кивнул.

— Сдается мне, мы задержимся здесь до самых родов ее величества, — сказал он.

— Король готовится вторично стать отцом, — подхватил Лувау. — Всего год минул с тех пор, как вы потеряли вашу дорогую матушку. Такие события тяжело отражаются на молодых людях. Ради блага Франции мы должны как можно скорее вернуться в Париж. Полагаю, вы согласны, Месье?

Филипп взмахнул рукой, отгоняя муху, норовившую усесться ему на лицо.

— Хотел бы я взглянуть на того, кто сумеет убедить моего брата в необходимости возвращения. Вы это как-то себе представляете?

— Никоим образом, — признался Лувау.

Позади, окруженный прихожанами, двигался Шевалье с двумя восхитительными красавицами, похожими, точно сестры-близнецы. Одной из них была госпожа Беатриса — дальняя родственница Шевалье, второй — ее очаровательная

шестнадцатилетняя дочь Софи. Беатриса отчитывала дочь за неуклюжую походку.

— Не спеши, — поучала Беатриса. — Глаза устремлены вверх, подбородок опущен вниз. Либо смотришь ты, либо смотрят на тебя. Умение ходить — такое же искусство, как умение танцевать.

Шевалье поджал губы.

— Нашей дорогой Софи требуется помощь и в танцах, — сказал он.

— Ну почему король ее не замечает? — спросила Беатриса. — Моя дочь — украшение двора.

— Король красоте предпочитает характер. Неудивительно, что он не глядит на вашу дочь.

Эти слова оскорбили Софи и возмутили ее мать. Обе молча двинулись дальше. Шевалье смотрел им вслед, качая головой.

Король видел их всех. Болтовня подданных напоминала ему гоготанье разодетых гусей. Вместе с Людовиком в ложе находились Фабьен, Бонтан и обладательница красивых каштановых волос Луиза де Лавальер. На ней было приличествующее моменту бледно-голубое платье, расшитое золотом, однако Луиза испытывала неловкость. Мало того что она явилась в Божий дом, будучи в положении, она еще и открыто стояла рядом с виновником ее положения.

— Боссюэ произнес замечательную проповедь, — сказала Луиза, стараясь привлечь внимание короля.

— Ваша набожность, Луиза, становится вашей второй натурой, — ответил Людовик и, не глядя на нее, добавил: — Я тебя хочу.

Луиза кивнула:

— Я служу вашему величеству так же, как служу Богу. Служу всем своим сердцем. И тем не менее... тем не менее... Ваше величество, я чувствую в вас перемену. Я ведь вас знаю. И вижу.

— Ты мне очень дорога.

Луиза погладила свой заметно выступающий живот:

— Я... я искренне надеюсь, что ребенок родится здоровым.

Наконец Людовик соизволил взглянуть на Луизу. Его улыбка стала наградой, на которую она так рассчитывала.

— В любом случае это будет дитя Франции.

Луиза подошла ближе к королю. Он не обнял ее за талию, но и не отодвинулся.

— Скажите, Фабьен, уж не Монкура ли я только что видел рядом с Лувуа? — прищелкнув пальцами, спросил Людовик.

— Да, ваше величество. Он был в синем... Если позволите, несколько слов о заговоре испанцев...

— Не сейчас, — замотал головой Людовик.

Взяв Луизу под руку, король повел ее к выходу из ложи.

Бонтан проводил их взглядом.

— Господин Маршал, когда король вас спрашивает, надобно отвечать на его вопросы. Но вы не вправе самовольно разглашать сведения, имеющие непосредственное отношение к королю, — предостерег Бонтан.

— Мне что же, хранить молчание? — нахмурился Маршаль.

— Да. Глубокое молчание.

— Стало быть, нас постоянно обворовывают? — спросил король.

Он швырнул перо рядом с листом, на котором рисовал большое, богато украшенное здание, и с упреком поглядел на Кольбера.

Кольбер, сидевший за массивным столом вместе с другими государственными министрами, облаченными в строгие черные камзолы, заерзал на месте. Возле двери, рядом с высоким молчаливым швейцарским гвардейцем стоял Фабьен Маршаль, который внимательно за всем наблюдал и вслушивался в каждое слово.

— Ваше величество, как вас следует понимать?

Людовик сердито выдохнул:

— А что еще я могу сказать после доклада о налоговых сборах? Или я ослышался? Из Нанта мы недополучаем семь процентов, из Лимузена — четырнадцать, из Анжу — двадцать один, из Бурбонне — двадцать восемь, из Савойи и Оверни — тридцать один, а из Эпернона — целых тридцать пять процентов. Это грабеж!

Министры переглядывались. Людовик придвинул свой рисунок к сидящему по другую сторону Бонтану и продолжил:

— Они воруют, ибо не страшатся последствий. Что еще хуже, они крадут у французского народа. Именем

короля! Воры в парчовых камзолах.

— Ваше величество, как быть с расходами, о которых вы изволили спрашивать? — спросил Кольбер. — Речь о королевском пенсионе.

Он передал королю внушительную расходную книгу. Людовик равнодушно пролистал страницы. Цифры его не впечатлили.

Лувуа решил вставить слово. Он подался вперед, сложив руки на полированной столешнице.

— Ваше величество! Взимание налогов — вопрос утомительный и, не побоюсь сказать, нудный. Я бы рискнул предложить вам обратить ваше королевское внимание на более животрепещущие вопросы. А этот вопрос — чисто управленческого характера. Мы намерены его решить, как только вернемся в Париж. Тем более что все архивы находятся там. К тому времени, когда мы...

— Кто у нас отвечает за сбор налогов в Эперноне? — спросил Людовик, захлопывая расходную книгу.

Лувуа заморгал, но ответить не успел. Гвардеец у двери ударил древком алебарды в пол. В комнату, где заседал совет, вошел молодой светловолосый гонец. Поклонившись, он подал Бонтану письмо.

— Кто посмел прервать наш совет? — раздраженно спросил Людовик.

— Моя госпожа, живущая на острове Сен-Луи, — ответил гонец, уставившись на свои сапоги.

Людовик повернулся к Бонтану, чей парижский дом стоял на острове Сен-Луи. Первый камердинер поежился, собираясь убрать письмо в карман.

— Прочтите, — приказал Людовик.

— Я... непременно прочту, ваше величество, — пробормотал Бонтан. — Когда мы закончим с нашими делами.

— Тогда я сам прочту! — пригрозил король.

Людовик схватил письмо, пробежал глазами и вернул Бонтану. Тот тоже прочел послание жены, и его лицо побледнело.

— Поезжайте немедленно, — потеплевшим голосом произнес король. — Возьмите с собой гвардейца для охраны. На дорогах еще не перевелись разбойники.

Бонтан молча поклонился и вышел.

Людовик сел. Некоторое время он смотрел на опустевший стул, где совсем недавно сидел его верный слуга и друг. Министры терпеливо ждали, не соизволит ли король пролить свет на послание, вынуdivшее Бонтана спешно ехать в Париж. Но об этом Людовик не проронил ни слова. Он встал и махнул рукой Фабьену:

— Найдите эпернонского чиновника, отвечающего за налоги! Хорошенько вразумите его. И запомните то, что я вам сейчас скажу. Сведения об истинном положении наших финансов не должны выходить за пределы этой комнаты. Остальной мир должен пребывать в уверенности, что налоги у нас собираются исправно и в полной мере, а королевская казна всегда полна и защищена от лихоимцев. Впечатление — это все. Вам понятны мои слова?

Министры согласно закивали.

— Лувуа, нам что-либо известно об эпернонском чиновнике? Может, он и раньше уже попадался на воровстве? — спросил король.

— Ваше величество, чтобы ответить на ваш вопрос, надобно поднять архивы. А они в Париже.

— Так привезите архивы сюда!

В своем доме в Версале доктор Массон не только принимал больных, но и обучал желающих приобщиться к искусству врачевания. В его обширном кабинете, заполненном разнообразными врачебными инструментами, пахло кровью и железом. Страждущие приходили сюда за помощью, а жаждущим знаний молодым людям, интересующимся медициной, его кабинет служил школой.

Вторая половина дня выдалась облачной. В кабинете доктора было тихо. Его дочь Клодина осматривала тело недавно умершей женщины. Покойница еще не успела состариться, однако ее внутренности были изъедены какой-то неведомой болезнью.

Хлопнувшая дверь возвестила о возвращении отца. Вскоре он сам переступил порог кабинета. Клодина подняла голову.

— Ну как, видел королеву? — замирая от любопытства, спросила Клодина. — Она такая, какой ты ее представлял?

Массон с улыбкой кивнул.

— А король?

— Тоже. Кстати, в жизни он выше ростом, нежели

на портретах.

Подойдя к столу, Массон потрогал желтоватую кожу на руке покойной.

— Надеюсь, мой скальпель заставит мертвое тело назвать причину смерти.

Он заметил, что дочь внимательно разглядывает многочисленные ранки на лодыжках мертвой женщины.

— А кровопускание посредством вивисекции, разумеется, очищает тело от болезни.

Услышав слова отца, Клодина нахмурилась.

— Клодина, я же вижу, ты хочешь что-то сказать. Так говори! Бог свидетель, я не в силах заткнуть тебе рот.

Клодина не вышла ростом и не могла похвастаться красотой, но в ней сразу ощущалась сила воли и недюжинный ум. Опершись о стол, она начала без обиняков:

— В разных местах господа ученые доктора стоят перед телами умерших и важно провозглашают причины смерти. Интересно, не упускают ли они из виду самую очевидную причину — свою собственную некомпетентность?

— Вся в мать, — качая головой, произнес Массон. — Такая же сильная, но вдвое упрямее.

— И привычкой постоянно задавать вопросы я тоже в нее. Вот скажи, почему крестьянка рождает шестерых детей и четверо выживают, хотя их пропитание крайне скудно? Часто они ложатся спать голодными, однако растут и становятся взрослыми. А

в замке на холме у детей знати по несколько кормилиц. Их пичкают фазанами и пирожными, но они мрут и мрут. Почему, отец?

— Крестьяне — люди крепкие и выносливые.

— А ты не думаешь, что виной детских смертей не только телесная слабость знати, но и наша медицина? — Если бы сам Господь пользовал этих детей, стал бы он лишать их крови, которую медики именуют избыточной? — Клодина вынула из кармана несколько сухих стебельков. — Видишь эти травы? Они снимают боль ничуть не хуже кровопусканий.

— Зелья. Снадобья. Яды. Огород повитухи.

— Да, я повитуха. И мои снадобья ничуть не хуже ваших лекарств.

Массон покачал головой:

— Девочка моя дорогая. Ты умна, у тебя доброе сердце. Но тех, кто способен увидеть тебя такой, какая ты есть на самом деле, можно пересчитать по пальцам. А большинство, увидев женщину умную, знающую и привыкшую говорить то, что думает... назовут ее...

— Ведьмой. Так и говори.

— Я не хочу, чтобы тебя сожгли!

Клодина вздохнула, нежно коснулась отцовской руки и вышла.

— И меня заодно, — добавил Массон в пустое пространство кабинета.

В коридоре Клодина побрела вдоль полок, заставленных банками и даже ведерками. Там были собраны плоды хирургических операций,

произведенных ее отцом: порою зрелые, а порою гнилые... Опухоли. Руки, распухшие от подагры. Ноги с шишками фурункулов. Сердца. Внутренности. Глаза и языки. Убедившись, что отец остался в кабинете, Клодина запустила руку в одно из ведерок и извлекла оттуда кусок окровавленного человеческого мяса. Завернув его в тряпку, она поспешила к себе в комнату. Там, заперев дверь изнутри, девушка уселась за стол и положила перед собой альбом, в котором делала бесчисленные зарисовки человеческих внутренностей и конечностей. Развернув тряпку, Клодина некоторое время внимательно рассматривала очередной предмет своих ученых изысканий. Потом, открыв альбом на чистой странице, вывела заголовок: «Женские детородные органы: лоно и матка», после чего принялась зарисовывать то и другое.

В Версальском охотничьем замке у короля имелась особая комната, именуемая Салоном Войны. Середину Салона занимал стол, накрытый доской внушительных размеров, уставленной уменьшенными копиями замков и крепостей. Здесь же располагались целые армии солдатиков, кавалерийские полки, крошечные пушки и осадные машины. В детстве Людовик счел бы все это предметами для увлекательной игры. «Но для короля война никогда не бывает игрой. Война — это реальность. Война есть разница между королевством и страной рабов».

Людовик стоял у окна, пока его генералы обсуждали замыслы грядущей войны. Это будет его первой

самостоятельной войной, которую он проведет во всей полноте королевской власти; войной против Испании за высокомерный и дерзкий отказ заплатить приданое, причитающееся королеве, в прошлом — инфанте Марии Терезии.

— Если мы победим во Фландрии, нам придется крепко держать в руках нашу добычу, — сказал Лувау. — Север и восток. Два фронта, на которых мы будем действовать одновременно.

— Два фронта? — хмуро переспросил Людовик. — Но мы же обсуждали только один фронт.

— Пока ваше величество были заняты другими государственными делами, мы сочли за благо...

Дверь распахнулась. В Салон Войны неторопливо вошел Филипп. Он был в щегольском красном камзоле с желтыми бантами. Генералы поклонились Месье. Людовик скрестил руки на груди, молча глядя на брата.

— Оставьте нас. Все, — велел он генералам.

Те поклонились и вышли.

Не спуская глаз с Филиппа, Людовик подошел к своей «военной доске».

— Ты изволил потратить пятьдесят тысяч на свои башмаки и туфли, — сказал король, с упреком глядя на брата. — Я видел отчет.

— Но ты не видел туфель, — невозмутимо ответил Филипп.

Он выставил ногу, показывая изящный башмак с белым каблуком.

«Черт бы побрал моего братца! — раздраженно

подумал король. — Его мотовство неистребимо!» Однако вслух он не сказал ничего. Наклонившись, король подвинул несколько солдатиков поближе к Брюгге. Возможно, замысел Лувуа имеет свои достоинства. Надо будет обдумать все особенности войны на два фронта.

— Брат, когда я спрашивал тебя, готов ли ты прикрыть мою спину, я имел в виду защиту. Расхищая средства, ты ставишь меня под удар.

— Ты строишь дворец. Я наряжаюсь. Главное — произвести впечатление. Это твои слова. Между прочим, если бы ты позволил мне отправиться на войну, я бы не только прикрывал твою спину. Я бы принес тебе славу.

— Что ты понимаешь в войне?

— Кое-что понимаю. — Филипп указал на доску. — Например, я вижу, что ты не позаботился о защите флангов, а это очень опасно. Учитывая характер местности, я бы несколько раз подумал, прежде чем ослаблять пути снабжения. Противнику достаточно выбрать подходящее время и нанести удар, вклинившись между твоими силами.

Филипп наклонился, чтобы переместить одну из фигурок. Людовик ударил его по руке.

— Я всего лишь хочу показать тебе, чем это грозит, — сказал Филипп.

— Верни фигурку на место.

— Но это же очевидный просчет.

— Отдай мне фигурку!

Людовик схватил брата за руку, сиюсь отобрать

солдатика. Филипп упирался.

— Я прикрываю твою спину — и что я получаю? — обиженно крикнул Месье, скорчив гримасу. — Уважение? Власть? Я не получаю равным счетом ничего!

— Ты получаешь деньги, которыми соришь направо и налево! — напомнил ему Людовик.

— Ты при каждом удобном случае меня унижаешь!

— Не забывай, с кем говоришь! Отдай фигурку! Мы более не намерены просить.

Филипп уступил. Королевское «мы» недвусмысленно подсказывало ему: пора остановиться.

— Ты никогда не любил делиться, — сказал он, возвращая Людовику солдатика.

— Иди играй, — бросил ему Людовик. — А нам, мужчинам, нужно заниматься делами.

Филипп направился к двери. Людовик поставил солдатика на прежнее место.

Он был зол. Боже, до чего же он был зол! Войдя в покои своей жены Генриетты, Филипп шумно захлопнул дверь. Генриетта, занятая устройством букета в вазе, сразу уловила настроение мужа.

— Как ты думаешь, твоему брату понравятся эти цветы? — осторожно спросила она.

Вместо ответа, Филипп грубо схватил жену и сдернул с нее юбку. Потом его руки скользнули под пеньюар Генриетты и сорвали нижнее белье.

— По-моему, нам пора обзавестись сыном, — -

процедил сквозь зубы Филипп, запуская пальцы во влажное лоно Генриетты.

— Тогда мы должны прочесть молитву, — дрожащим голосом ответила она.

Филипп толкнул жену на кровать и быстро расстегнул панталоны.

— Читай что хочешь, — буркнул он. — Это все равно тебе не поможет.

Все эскизы величественного дворца в окружении садов Людовик собрал на громадный лист бумаги, который и показал приглашенным в его покои Лео и Ленотру. Последний был известен своим искусством устройства садов и парков. Сейчас оба зодчих стояли, разглядывая королевские рисунки.

Людовик смотрел на приглашенных, едва сдерживая возбуждение. Ему не терпелось поскорее перейти от рисунков и чертежей к их воплощению.

— Как я уже сказал, весь существующий охотничий замок должен претерпеть изменения. Вдоль террасы, по всей ее длине, я желаю видеть большой зеркальный зал, чтобы стены симметрично отражались в них. Зеркала нам придется закупить в Венеции. А сады в этой стороне должны простираться вот отсюда... и досюда.

— Превосходный замысел, ваше величество, — сказал Ленотр. — А что обозначает этот большой прямоугольник?

— Озеро.

Ленотр задумчиво поскреб подбородок. Сомнение-

на его лице мгновенно подействовало на настроение короля.

— Ваше величество, чтобы наполнить водой озеро таких размеров...

Людовик сжал кулаки. В нем нарастала ярость. Откуда-то, доступный только ему, послышался голос матери: «Вы, конечно же, знаете, в чем проблема. Едва вы поднимете забрало, как враги тотчас воспользуются этим».

— Ваше величество, — заговорил Лево, — в окрестностях Версаля недостаточно рек.

Людовик в упор смотрел на устроителя садов. «Они подчинятся моей воле!»

— Так приведите реки сюда, — властно потребовал он.

Отпустив архитекторов, Людовик сошел в сад, где чумазые от земли садовники рыли ямы и сажали деревья. Он остановился возле садовника по имени Жак. Увидев короля, садовник торопливо бросил лопату и согнулся в поклоне.

— И давно ты у меня работаешь? — спросил Людовик.

— Почитай, полгода будет, ваше величество, — ответил Жак.

— А до этого чем занимался?

— Воевал, ваше величество, — ответил садовник, осмелившись поднять глаза на короля.

— Что случилось с твоей левой рукой?

— Оставил на поле под Мехеленом.

— Экий ты забывчивый, — усмехнулся Людовик.

Король посмотрел на яркое солнце, наслаждаясь теплом светила, после чего задал садовнику новый вопрос:

— Какие качества помогают солдату сделаться садовником?

— Умение копать землю, — ответил Жак. — Ведь солдатам — им и траншеи приходится рыть, и могилы. Террасы для солдата — что укрепления. А деревья — те же солдаты в строю. Сад устроить — что войну затеять. Много общего. И здесь и там поначалу сильно кумекать приходится. Но зато уж если сад удался... люди и через сотни лет будут ходить и любоваться его красотой. Я ж вам сказал, ваше величество: сад — такая же война. Война за красоту и против беспорядка.

— Скажи, а сколько времени понадобится, чтобы вырыть здесь озеро длиною в половину лье? И чтоб оно доходило вон до тех деревьев?

— Много времени, ваше величество. Мне бы понадобилась целая армия.

«А он отнюдь не глуп, этот садовник», — подумал король, глядя на горизонт и размышляя над словами Жака.

— Счастливо тебе, садовник.

— И вам, счастливо, ваше величество. Да произведет наша королева на свет здорового наследника. И пусть ваши сны будут полны воспоминаний.

— Сны? — удивленно переспросил Людовик.

— Помню, матушка мне однажды сказала: когда мужчина готовится стать отцом, он видит во снах свое

детство.

Свой особняк Бонтан построил на острове Сен-Луи — одном из двух больших островов на Сене в пределах Парижа. Его большой, просторный дом был полон верных слуг. Даже в хмурую погоду там нередко бывало солнечно от царившей в доме радости. Однако сегодня, в солнечный день, в роскошно убранных комнатах ощущалась подавленность, имевшая вполне определенную причину. Младший сын Бонтана опасно заболел.

Бледный, худенький мальчик непрестанно потел, отчего простыни на его кровати быстро намокали. Бонтан, только что приехавший из Версаля, крепко обнял жену и не торопился разжимать руки. Так он пытался хоть немного восполнить время, проводимое вдали от дома и семьи. Затем он встал на колени у постели сына и принялся влажным полотенцем вытирать пот со лба ребенка. У Бонтана сжималось сердце. Жгучие слезы были готовы вот-вот брызнуть у него из глаз. Оспа. «Боже милостивый. За что такое моему малышу?» — мысленно вопрошал Бонтан.

Вместе с первым камердинером приехали двое придворных докторов. Обменявшись несколькими тихими фразами, придвинули стулья к изножью кровати и сели, поставив на пол чашу. Увидев в руке одного из эскулапов бритву, сын Бонтана вздрогнул.

— Я... мне уже намного лучше, — хрипло произнес ребенок.

Бонтан продолжал утирать ему лоб.

— Сынок, этим людям надо делать свое дело. Король прислал тебе своих докторов. Они — самые лучшие во всей Франции.

— Отец, пожалуйста! — взмолился мальчишка, когда сверкающее лезвие приблизилось к его лодыжке. Он стиснул отцовскую руку. — Прошу вас, расскажите мне что-нибудь.

Лезвие полоснуло по худенькой мальчишечьей ноге. Сын Бонтана всхлипнул. В чашу потекла струйка крови.

— Жил-был на свете великий и славный король, — начал Бонтан, старательно унимая дрожь в голосе. — И жил он в прекрасном дворце, стоявшем посреди леса. Его первый камердинер был честным человеком и преданно служил королю. Должность перешла к нему от отца, так же как однажды она перейдет... к тебе.

— Я буду служить королю? И что я буду делать?

Бонтан коснулся пылающей щеки сына.

— Ты станешь первым человеком, которого видит король, просыпаясь по утрам, и последним, кого он видит вечером, укладываясь почивать. Ты будешь предвосхищать все желания короля, дабы ничто не мешало ему править, оставаясь величественным, целеустремленным и мужественным. Никто из тех, с кем сведет тебя жизнь, не сравнится с королем по мудрости, доброте и щедрости. Сын мой, ты будешь счастливейшим из людей. Ты окажешься среди немногих, кому ведомы самые сокровенные мысли короля. Потом у тебя тоже родится сын, и когда он вырастет,

ты расскажешь ему о годах, проведенных на королевской службе, а со временем передашь ему свою почетную и ответственную должность.

Больной ребенок облизал сухие губы. Тихо, чтобы слышал только отец, он спросил:

— Но если я буду жить при короле, значит я больше никогда не смогу вернуться домой?

Дом в Эперноне ничем не отличался от подобных заведений в любом другом городе. Стремясь сохранять внешние приличия, их содержательницы предлагали своим посетителям целебные травы, лекарства и простые медицинские процедуры вроде удаления мозолей и вросших ногтей. Однако главной «процедурой» для проходящих сюда мужчин были влажные, резко пахнущие женские лона, окруженные густой растительностью, а также мокрые покрашенные губы. Те и другие искусно умели высасывать из мужчин горячее, необузданное желание, беря за это не такие уж большие деньги.

Приехав в Эпернон, Фабьен Маршалль достаточно быстро узнал, что вороватый чиновник сейчас находится в публичном доме на «процедуре».

Эпернон отстоял от Версаля почти на одиннадцать лье. Маршалль отправился туда в сопровождении нескольких гвардейцев, захватив кожаную сумку и тесак. В дороге он думал о Людовике и опасностях, грозящих королю. Фабьен не сомневался: при дворе наверняка есть некто, симпатизирующий испанцам и их преступным

замыслам. Он размышлял о письме, изъятом у заговорщиков, и о том прискорбном факте, что записку до сих пор не удалось расшифровать. Думал Фабьен и о лысом чиновнике-казнокраде. Миссия, возложенная на главу королевской полиции, была не из приятных. Фабьену хотелось как можно скорее ее завершить и двинуться в обратный путь.

Дом терпимости встретил его духотой и вонью. Взяв канделябр, в котором горело пять свечей, Фабьен двинулся по узким грязным коридорам. Он заглядывал в каморки, пока не обнаружил предмет своих поисков. Сборщик налогов развлекался на скрипучей кровати сразу с двумя шлюхами. Одна лежала, широко раздвинув ноги. Вторая, зарывшись лицом в «кусты», лизала у нее между ног. Чиновник «пользовал» вторую шлюху сзади, совершая отчаянные толчки своим «орудием». Он обильно потел и громко сопел.

Фабьен Маршаль кашлянул. Чиновник обернулся с озадаченным видом. Шлюха, с которой он совокуплялся, пронзительно вопя, перевернулась на спину и выскользнула из постели.

— Держи, — сказал ей Фабьен, протягивая канделябр.

Шлюха послушно взяла тяжелый канделябр. В округлившись глазах застыл ужас.

Голый чиновник отчаянно пытался сохранить хотя бы крохи достоинства. Встав с кровати, он потряс толстым кулаком, сверкнув изумрудным перстнем на мизинце.

— В чем дело? — спросил он.

— В арифметике, — ответил Маршалль. — Я думал, после того, что случилось с Фуке, остальные сделали для себя хоть какие-то выводы.

Подскочив к чиновнику, он схватил руку плешивого казнокрада и припечатал к стене. Потом достал из кожаной сумки тесак, которым отсек чиновнику все пять пальцев. Чиновник взвыл от боли и стал сползать на пол. Фабьен прижал его грудь коленом, потребовал у шлюхи канделябр и пламенем свечей прижег ему культи. Чиновник громко стонал, держась за изувеченную, обожженную руку. Равнодушный к его стонам, Фабьен сказал:

— Последний вопрос: если тебя сделали сборщиком налогов, значит считать ты умеешь?

Чиновник едва заметно кивнул.

— Запомни на будущее: мы тоже умеем считать.

Долгожданный момент разрешения от бремени становился все ближе. Королева металась в постели. Желая отвлечься, она пыталась сосредоточиться на прихотливом узоре вечерних теней, протянувшихся по полу. Из-за начавшихся схваток ее дыхание сделалось сбивчивым и болезненным. Массон и Клодина оказывали ей необходимую помощь. Их руки действовали уверенно, однако отец и дочь испытывали изрядное волнение. Массон шепотом предупредил Клодину: если родится девочка, им нужно быть готовыми к спешному бегству. Король не обрадуется рождению дочери, а его гнев и досада вполне могут стоить им жизни.

Руки Марии Терезии судорожно сжимали теплое стеганое одеяло. Она жаждала видеть мужа. Людовик в это время находился в своих покоях. Он готовился к приему, где собирался показать придворным часть рисунков и чертежей, над которыми трудился в последние месяцы. Людовик предвкушал ликование двора, восхищенного его дерзновенными замыслами. Смотритель королевского гардероба расправлял складки на накидке короля, а затем и оборки на рукавах. Второй смотритель королевского гардероба держал зеркало. Людовик поворачивался то влево, то вправо, оглядывая себя со всех сторон.

Маршал был полон решимости представить королю свой отчет и предостеречь его величество. Подойдя как можно ближе — насколько позволяли правила этикета, — глава полиции заговорил, понизив голос:

— Ваше величество, среди придворных есть люди, готовые торговать подробностями дворцовой жизни. Кто больше заплатит, тот и узнает. О возможных последствиях для вашей безопасности эти алчные люди совершенно не думают. Испанцы, что ныне находятся в вашей темнице, были уверены в продажности придворных и в возможности за деньги получить доступ к вашему двору.

— Упомянутые вами люди — они уже кому-то сообщали о том, что делается за стенами Версаля? — спросил Людовик, отворачиваясь от зеркала.

— Вне всякого сомнения. Угодно ли вам, чтобы я начал действовать?

— Нет.

— У схваченных испанцев мы обнаружили зашифрованное послание. Прочитать его не удастся до сих пор. Они отважились на свое гнусное дело, зная, что найдут здесь поддержку. Они были уверены, что...

Людовик поднял руку, прерывая Фабьена:

— Нынче вечером, когда господин Монкур пожелает покинуть торжество, не препятствуйте ему. Пусть его лошади стоят наготове.

Маршалль отошел, кланяясь королю.

— Люди думают, будто мы слабы, — продолжал король. — Позволим им услышать о нашей силе. Достаточно сказать это однажды, чтобы они поняли.

Взмахом руки Людовик отпустил Фабьена.

Торжество, начавшееся в Большом зале, обещало поразить собравшихся своим великолепием. В настольных и настенных канделябрах горели сотни свечей. Столы были украшены цветами и перьями. Прыгали и кувыркались акробаты. Зрители замирали от изумления, видя, как огнеглотатели запихивают в рот пылающие факелы. В мезонине играл струнный квартет. Услышав веселые звуки аллеманды, гости поспешили в центр зала, где быстро составились пары для танцев.

Скрестив руки, Фабьен Маршалль наблюдал за празднеством. Заминка, случившаяся среди танцующих, заставила его переместить внимание туда. Шевалье безуспешно пытался научить юную Софи премудростям танца. При своей исключительной красоте, девушка была лишена грациозности, и чем

усерднее старался Шевалье придать ее рукам и ногам нужное положение, тем более неуклюжей она становилась. Посмотрев на этот прискорбный урок танцев, Маршалль бросил взгляд на Беатрису. Ее сильно удручала неуклюжесть дочери. Наконец Шевалье, устав от бесплодных попыток, в отчаянии оттолкнул Софи. К нему подошел Филипп, взял за руку, и они принялись танцевать, двигаясь легко и плавно. В этот момент Беатриса устремила свой взгляд на Фабьена. Их глаза встретились и не расставались секунд десять. Маршалль ощутил неожиданное возбуждение. Интерес, который одновременно будоражил и пугал его. Беатриса поразила его своей красотой.

Слушая, как колотится его сердце, Маршалль сразу же ретировался в коридор. Взгляд Беатрисы и сейчас кружил ему голову. Фабьен остановился, пытаясь привести себя в чувство. Надо чем-то себя занять, отвлечь ум. Но как же было бы приятно...

Тем временем в коридоре появился король, сопровождаемый слугами и гвардейцами. Людовик вступил в Большой зал, и Маршаллю невольно пришлось вернуться туда же.

В северной стене зала была ниша, плотно закрытая тяжелой портьерой. По знаку Людовика слуги отодвинули портьеру. Взорам собравшихся предстал большой стол, покрытый искусно вышитой материей. Под нею угадывалось что-то объемное.

Обведя глазами зал и своих подданных, Людовик обратился к ним с речью:

— Многие из вас задаются вопросом, почему мы до сих пор остаемся в Версале. Сейчас я назову вам причину. Я хочу сделать вам подарок, который станет нашим общим достоянием. Новым чудом света.

Он кивнул слугам. Те торжественно сняли покрывало.

Таких больших, искусно выполненных моделей дворцов Фабьен прежде не видел. Дворец, представленный королем, занимал всю длину стола, поблескивая бесчисленными арочными окнами и дверями, колоннами, крошечными скульптурами и миниатюрными садами. Все это было изготовлено с умопомрачительной точностью, словно кто-то уменьшил настоящий дворец и перенес на стол. В зале установилась благоговейная тишина.

— Узрите колыбель новой судьбы нашей Франции, — произнес Людовик, обводя рукой явленное чудо. — Этот дворец заботливо взлелеет нас. А мы, его дети, взлелеем его. Стоит вам однажды увидеть красоту этого дворца, и ваше сердце навечно останется здесь, в Версале.

Дамы томно дотрагивались до своих щечек, желая убедиться, что это не сон. Мужчины одобрительно кивали. Отважившись бросить взгляд на Беатрису, Фабьен остолбенел: она смотрела на него во все глаза. У главы королевской полиции перехватило дыхание. Он снова отвернулся.

— Люди устремятся сюда отовсюду, — продолжал король. — Они приедут из самых дальних стран, только чтобы увидеть это чудо. И те, кому выпадет

такое счастье, никогда не забудут Версаль. Вот он, мой подарок вам.

Шевалье первым сбросил с себя оцепенение. Он засмеялся и принялся неистово аплодировать. Остальные тут же последовали его примеру. Король улыбался, воодушевленный восхищением подданных.

Всем хотелось поближе рассмотреть модель будущего дворца. Опомнившийся Фабьен следил за Монкуром. Казалось, тот, в числе прочих, желает полюбоваться моделью. Однако Монкур быстро отошел от ниши и, мелькая за спинами придворных, незаметно покинул зал. Фабьен взглянул на короля. Да, Людовик тоже заметил уход Монкура.

Монкур торопливо шел по тускло освещенному коридору, которым обычно пользовались слуги. Сейчас коридор был пуст, однако придворный все равно двигался настороженно. С двух сторон его окружали холодные серые стены. Лицо Монкура было бесстрастным. Его ум работал сосредоточенно и четко. Достигнув нужного места, он остановился и вынул из стены незакрепленный камень. Положив внутрь свернутое трубочкой послание, Монкур поставил камень на место и крадучись двинулся в обратный путь.

Утреннее солнце еще не успело взойти, когда Бонтан разбудил Людовика и сообщил, что королева вот-вот разродится. Быстро надев бордовый халат, король в сопровождении Бонтана, Кольбера и телохранителей поспешил в покои королевы. Лувау,

разбуженный шагами и голосами, высунул голову из-за своей двери.

— Неужто королева рожает? — спросил он.

Бонтан кивнул.

Лувуа поспешил присоединиться к процессии. У самого входа в покои королевы Людовик удостоил его разговором.

— Ваши стратегические замыслы, Лувуа, лишены всяких достоинств. Мы не можем оголять фланги. Нужно поочередно окружать город за городом и захватывать их. Начните с Рейна и продвигайтесь на север, к морю. Завоюйте мне все их земли.

Ошеломленный Лувуа едва не потерял дар речи.

— Я... я не могу вести войну подобным образом. Мы не можем позволить себе...

— Такие расходы? — докончил за него король. — Деньги ждут нас там. И что еще важнее, там же нас ждет слава.

Бонтан открыл дверь. Вошли все, кроме Лувуа. Король захлопнул дверь перед самым носом военного министра.

Мария Терезия испустила пронзительный, полный боли крик.

Возле ее кровати стояли король, Бонтан, Кольбер, Массон и Клодина. Поодаль толпились фрейлины королевы, придворные, несколько гвардейцев и шут Набо. Все они сгорали от нетерпения увидеть долгожданного младенца. Глаза Марии Терезии были воспаленными от усталости и родовых мук.

— Слишком много... зрителей, — прошептала она.
— Слишком много.

Она вновь закрыла глаза, застонала и стала тужиться. Людовик ободряюще улыбался жене. «Мой сын, — думал он. — Скоро я увижу своего сына».

— Ну наконец, — прошептал Массон. — Головка показалась.

Одеяло было подвернуто таким образом, что открытым оставался лишь небольшой участок, обнажавший бедра и лоно королевы. И теперь из лона виднелась мокрая головка ребенка. Королева в очередной раз вскрикнула и снова поднатужилась, вытолкнув младенца во внешний мир.

Массон выпрямился. Он часто моргал. Клодина, стоявшая рядом, смотрела испуганными глазами.

— Пусть все выйдут, — повернувшись к королю, сказал доктор.

Людовик нахмурился.

— Немедленно! — потребовал Массон.

Королю не оставалось иного, как приказать всем уйти. В спальне остались лишь он, Бонтан, Массон и Клодина.

— Как прикажете это понимать? — раздраженно спросил Людовик.

Массон посмотрел на королеву, потом на младенца, прикрытого одеялом. Ком в горле мешал ему говорить.

— Я... Ваше величество... я...

— Говорите же! Или язык перестал вас слушаться?

Клодина приподняла одеяло, загораживая младенца от королевы, которая лежала с закрытыми глазами, дыша ртом. Массон осторожно взял ребенка на руки. Это была девочка.

Ребенок родился... чернокожим.

¹ Титул, присваиваемый старшему из братьев короля. Как известно, у Людовика XIV был только один брат. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

² Это прозвище, вошедшее в историю. Настоящее имя любовника Филиппа — Филипп де Лоррен-Арманьяк.

³ Что? (*исп.*)

Конец весны — начало лета 1667 г.

«Э то невозможно. Этого просто не может быть!» Мысли в голове Людовика неслись бешеным потоком. Король склонялся к мысли, что родившийся ребенок — чей-то зловещий розыгрыш. Кошмар! Трюк, достойный самого дьявола!

Но он же собственными глазами видел роды. Нет, ребенок — вовсе не трюк, а ужасающая реальность. Мало того, что королева родила девочку. Ребенок, вышедший из ее чрева, почему-то был черным, как арап.

Заметив, что Мария Терезия приподнимается, желая увидеть ребенка, Бонтан проворно забрал младенца у Массона. Королева что-то пробормотала, всхлипнула и снова упала на подушки.

Бонтан завернул ребенка в полотенце и поспешил покинуть родильную комнату. Он вышел в переднюю, а оттуда — в коридор, где едва не столкнулся с молоденькой горничной. В момент столкновения край полотенца раскрылся, и горничная увидела новорожденную. Девушка вздрогнула и отвела взгляд, но было уже слишком поздно. Ее глаза увидели то, чего не

должен был видеть никто. Опустив голову, горничная тут же нырнула в боковой коридор.

Бонтан унес ребенка и занялся поисками кормилицы, которой можно доверять. А в это время дрожащий Массон стоял у постели королевы, глядя то на нее, то на короля, то в пол. Затем он предложил нелепое объяснение, касавшееся цвета кожи новорожденной.

— Ваше величество, я... я полагаю, что вскоре после того, как королева забеременела, карлик Набо... внезапно бросил на ее величество такой взгляд, от которого королевское лоно преисполнилось тьмы.

Людовик едва поборол искушение отвесить эскулапу звонкую пощечину.

— Вот уж не знал, что эта говорящая обезьяна обладает таким проникновенным взглядом.

Больше король ничего не сказал. Он вышел в коридор, где к нему подбежал Кольбер.

— Как ребенок, ваше величество? — торопливо спросил он.

Людовик шел, глядя вперед и не сбавляя шаг.

— Увы... мертворожденный. Устройством похорон уже занялись. Как там наш павильон? Портные на месте?

— Пока еще в пути, ваше величество. Придворные только и говорят об этом павильоне... Ваше величество, примите мои искренние...

Король оттолкнул его и пошел еще быстрее. Шаги Людовика отзывались гулким эхом, похожие на удары разъяренного сердца.

В комнате, куда Фабьен Маршалль зашел через неприметную дверь, он застал свою помощницу Лорену — не улыбающую женщину с плоским лицом. Она сидела молча, слушая болтовню слепой, неказистой кормилицы, во рту которой осталось всего несколько зубов. Приложив новорожденную к груди, кормилица болтала о разных пустяках. Фабьен присмотрелся к ребенку королевы. Девочка родилась здоровенькой. Ее глазки весело блестели, а ножки молотили воздух. Фабьен кивнул Лорене. Та забрала ребенка у кормилицы и понесла к двери. Маршалль задержал помощницу, шепнув на ухо: — Возле родильной комнаты... Словом, ребенка случайно увидела горничная. Зеленоглазая. На подбородке шрам. Я должен знать ее имя.

Беатрису и Софи, неспешно шедших по коридору, остановил Шевалье. Вскинув голову, он заговорил с Беатрисой: — Вы помните, о чем я говорил вам, когда вы впервые появились при дворе?

Беатриса кивнула:

— Вы сказали, что за любую оказанную вам услугу вы платите с процентами. Однако я до сих пор жду вашей оплаты. Сколько времени прошло с тех пор, как я по вашему настоянию распространяла лживые слухи о вас и вашей светловолосой подружке?

Шевалье лукаво улыбнулся и подал ей конверт.

— У вас, кузина, есть одно качество, которое я ценю превыше остальных. Вы необычайно терпеливы.

С этими словами Шевалье удалился. Беатриса - надорвала конверт. Снедаемая любопытством, Софи заглянула через материнское плечо и тоже прочла письмо.

Король имеет удовольствие пригласить вас на приватный показ костюмов из кружев, бархата и прочих тканей работы лучших портных с улицы Сент-Оноре. По завершении состоится большая карусель и банкет.

Беатриса радостно улыбалась. Наконец-то его величество заметил Софи! Ее девочка поднимется на новую ступень, да и она сама — тоже.

Мария Терезия провела языком по пересохшим губам и попыталась сесть в постели. Людовик стоял рядом, скрестив руки, и не делал никаких попыток помочь супруге.

— А у вас совсем бледные щеки, — сказал он, добавив с усмешкой: — В отличие от вашей дочери.

— Где она? — спросила Мария Терезия. — Умоляю, скажите!

Людовик нахмурился. Он прошел к письменному столу королевы, взял острый нож для вскрытия писем и стал вертеть в руках. Бонтан молча наблюдал за королем.

Людовик потрогал кончик лезвия, внимательно приглядываясь к нему.

— Madre de Dios!⁴ — простонала королева.

— Что бы мы ни делали здесь, отзвуки наших действий разносятся по всему миру, — сказал король. — Думаете, Вильгельм Оранский, узнай он о случившемся, стал бы мешкать? Нет, он сию же минуту двинул бы войска к нашим границам. Почему бы не захватить слабую страну, где король и вся свита — сборище жалких, никчемных людишек, достойных лишь насмешек и презрения? Ваш поступок никак не назовешь достойным жены и королевы. Подстрекательство к бунту, совершенное предательницей, — вот как это называется!

— Вы... вы мой король!

— Я знаю, что ваши действия дорого нам стоили. А вот насколько дорого — этого пока я не знаю.

Королева всплеснула дрожащими руками и начала молиться:

— Dios me ayuda. Dios me perdona!⁵

— Когда вам удобно, вы изъясняетесь по-французски, — язвительно заметил ей король. — А когда вам надо что-то утаить, сразу переходите на испанский. Наверное, стосковались по незванным гостям? Захотели вспомнить родину?

— Я вполне счастлива и здесь.

— Если вы пренебрегаете нашим языком, неудивительно, что у вас нет друзей.

— При дворе меня считают дурочкой, но даже эти люди знают, что я чего-то заслуживаю. Пусть даже обыкновенной жалости!

— От меня вы жалости не дождетесь... Бонтан!

— Да, ваше величество.

— Ее величество выглядит нездоровой. Массон будет лечить королеву. Она останется в своих покоях, пока окончательно не выздоровеет.

Людовик с силой всадил лезвие ножа в блестящую крышку стола и покинул опочивальню. Бонтан последовал за ним.

Убедившись, что король ушел, Набо влез на постель королевы и хотел было пристроиться рядом с нею. Но Мария Терезия шлепком прогнала его, и карлик, обиженно хныча, вернулся в свою кровать возле очага.

Теплый послеполуденный воздух был щедро напоен ароматами цветов. С верхних садовых террас просматривалась новая апельсиновая роща, появившаяся здесь стараниями смышленного Жака — бывшего солдата, волею судеб ставшего садовником. Листья апельсиновых деревьев подрагивали на ветру, переливаясь всеми оттенками зелени.

Размышляя о своем, король шел по залитой солнцем дорожке в сопровождении Лувуа и Кольбера. За ними следовали Бонтан, Фабьен и швейцарские гвардейцы.

— Ваше величество, нам необходимо выбрать между войной и великолепием будущего дворца. Боюсь, казне не выдержать и то и другое, — сказал Кольбер.

— В таком случае мы должны выбрать войну, — вклинился в разговор Лувуа.

— Тогда голландцы приберут к рукам торговые

пути в Западную Африку, и нам там будет делать нечего, — возразил Кольбер.

— Слава бесценна, — качая головой, заявил Лувуа.

— Голландцы ошибаются, и за это Франция должна благодарить мою жену, — сказал король.

Он прибавил шагу, оставив Кольбера и Лувуа позади. Бонтан хотел было последовать за королем, но Людовик махнул рукой, давая понять, что не нуждается в обществе своего первого камердинера. Раздосадованные министры и Бонтан остановились и молча переглянулись, а Маршаль приказал гвардейцам сопровождать короля и держаться на близком расстоянии.

Из аллеи, обсаженной кустами роз, на перекресток-дорожек вышли Филипп, Шевалье и несколько их друзей из числа придворных. Они весело смеялись, наслаждаясь солнечным теплом.

— А скажите, Бонтан, эти слухи и впрямь верны? — спросил Филипп.

— Какие слухи, Месье? — в свою очередь спросил Бонтан.

— Вам прекрасно известно, о чем я. Брат послал в Париж за всеми архивами. Мы что, задержимся здесь еще на неделю?

Бонтан пожал плечами.

Шевалье презрительно выпятил губу.

— Ха-ха. Он не слышит. Похоже, старик глух, как тетерев.

Это была явная дерзость, но Бонтан ответил спокойным, ровным тоном:

— Король не поручал мне говорить от его имени. Знаю лишь, что королева занемогла. Думаю, мы задержимся здесь до ее выздоровления.

— Я сожалею, что спросил вас, Бонтан, — поморщился Филипп. — С какой стати нам вас слушать? Слугу, который, словно пес, спит на полу у постели хозяина. Что он за человек?

Филипп и его друзья засмеялись. Потом Месье за метил, как Шевалье перемигивается с одним из наи более обаятельных молодых людей их свиты, и улыбка сползла с его лица.

— Верный человек, Месье, — помолчав, ответил Бонтан.

Сопровождаемый гвардейцами, Людовик вступил в обширную апельсиновую рощу. Все деревья здесь росли в больших серебряных кадках. Роща была еще далека от того, какой Людовик видел ее в своих мечтах. Садовники усердно трудились, срезая сухие и больные ветви. Их бросали в небольшой костер, разведенный тут же. Увидев короля, садовники упали на колени. Людовик велел им подняться и продолжать работу. Он подошел к Жаку. Однорукий садовник следил за работой других, отдавая распоряжения и сверяясь с документом, который он держал в руке.

— Расскажи, как обстоят дела, — потребовал Людовик.

Жак махнул в сторону ближайшего дерева.

— Я считаю своей обязанностью определить происхождение каждого дерева, что поступает к

вашему величеству. Скажем, вот это... — он заглянул в бумагу, — поначалу находилось в ботаническом саду Монпелье. А вот то прислали из Страсбургского университета. Во Францию они попали из Аравии и Китая. — Жак почтительно, но без трепета взглянул на короля. — По семени можно узнать корень. По корню — само дерево и будущие плоды. Больные деревья я сразу сжигаю, чтобы не распространилась зараза. И у вашего величества будет цветущая, плодоносная апельсиновая роща.

Людовик удовлетворенно кивнул. Сам того не зная, Жак подбросил королю несколько интересных мыслей. Этот разговор слышал придворный, прятавшийся в тени дерева, густо увитого плющом. Повернувшись к своей спутнице, он сказал: — Если мы не сумеем подтвердить свой титул и происхождение, мы просто пустое место.

После прогулки среди цветов и кустарников Филипп позвал своих щеголеватых друзей к себе, чтобы они оценили ароматы новых духов. Мужчины расселись на стульях и диванах и принялись нюхать шелковые платочки, смоченные духами, передавая платочки по кругу. Через комнату, держась вдоль стен, прошмыгнула горничная.

— А вот это — самый модный нынче аромат, — сказал Филипп, поднимая руку с платочком, украшенным золотым шитьем. — Шоколадная карамель и лаванда.

Филипп протянул платочек Шевалье. Тот стал принюхиваться, пытаясь оценить аромат. В это время

один из гостей выхватил образчик из рук Шевалье. Началась шутивная потасовка. Теперь все пытались завладеть платочком. Шутник, забравший платочек у Шевалье, подбросил свою добычу в воздух и выбежал из комнаты. Остальные погнались за ним. Оставшись один, Филипп, довольно посмеиваясь, нагнулся и поднял душистый кусочек ткани.

И тут он услышал тихий плач, доносившийся из угла.

Филипп повернулся.

— Простите меня, Месье, — всхлипывая, пробормотала горничная, некрасивая девушка с зелеными глазами и шрамом на подбородке.

Филипп подошел ближе.

— В чем дело? — хмурясь, спросил он.

Горничная зарыдала. Ее плечи вздрагивали. Филипп нехотя протянул ей платок и велел вытереть глаза.

— Королевский ребенок, — прошептала горничная.

— Смерть малютки опечалила всех нас, — сказал Филипп.

— Я... я кое-что видела.

— Ничего не понимаю!

Горничная шмыгнула носом.

— Ребенок был живой. И... очень странного цвета.

Филипп подошел еще ближе.

— Что за глупости ты говоришь?

— Ваше высочество, выслушайте меня. Я говорю вам это под большим секретом и по причине

преданности вашему семейству... Моя мать работает у вас в Сен-Клу, и потому я чувствую, что должна вам рассказать. Быть может, вы похлопочете, чтобы и меня перевели туда?

— А-а-а, вот ты где! — услышался голос Шевалье.

Беспечно улыбаясь, он подошел к Филиппу и страстно поцеловал Месье. Когда Филипп снова повернулся, горничная уже исчезла.

— Надо же, сегодня все пребывают в скверном настроении, — поморщился Шевалье.

— Король потерял дочь, а я — племянницу. Это не дает повода к веселью.

Шевалье снова поморщился и принялся разглядывать ногти.

— Да, разумеется.

— Неужели тебя ничего не трогает? — не выдержал Филипп.

— Меня не трогает то, что не имеет ко мне отношения.

Король был в восторге от своей апельсиновой рощи. Еще одно подтверждение славы «короля-солнце», еще один шаг к блистательному будущему. Теперь можно сосредоточиться и на других государственных делах. Министры собрались в комнате, где обычно заседал военный совет. Людовик занял свое обычное место во главе стола. Бонтан на подобных встречах никогда не садился. Он стоял неподалеку, внимательно слушал и был в любую минуту готов

немедленно выполнить любое королевское распоряжение.

— Без юридического подкрепления мой эдикт не будет иметь законной силы, — сказал Людовик. — Где архивы? Почему они не здесь, в нашем распоряжении? Неужели их до сих пор везут?

Глаза собравшихся повернулись к Лувау. Военный министр набрал в легкие воздуха и только потом заговорил: — Ваше величество, было решено вернуть повозки с архивами в Париж.

— Решено? Кем решено?

— Дорога из Парижа опасна, особенно вблизи Версаля. Недопустимо, чтобы документы государственной важности вдруг оказались в руках злоумышленников.

Людовик встал, упершись руками в стол, и подался вперед. Министры невольно вжались в спинки стульев, будто король был ветром, а они — стебельками травы.

— Значит, господин Лувау, вы утверждаете, что дорога между Парижем и Версалем небезопасна? Но мастера из портновской гильдии добрались сюда в целости и сохранности. И то, что они везли для модного павильона, тоже не пострадало. Или вы считаете, что королевские гвардейцы не в состоянии защитить важные государственные бумаги?

— Мы только заботимся о безопасности, — промямлил Лувау. — Мы — всего лишь слуги вашего величества.

— Пока что — да, — ответил ему король.

Людовику было достаточно посмотреть в глаза Лувау. Военный министр понял, что переступил черту дозволенного. Взглянув на каждого из своих министров, король велел им удалиться. В комнате остался только Бонтан. Дождавшись, когда дверь закроется, первый камердинер сказал: — Если господин Лувау в ближайшее время не научится держать язык за зубами, я готов его этому научить.

Людовик невесело усмехнулся:

— Знаете, Бонтан, честный критик мне милее лицемерного друга.

— Ваше величество, это не критика. Лувау стремится во всем противоречить вам. Что бы вы ни задумали, он непременно занимает противоположную позицию и рассказывает о ней всякому, кто готов его слушать.

— Ну и пусть. Пока мне это не мешает.

Бонтан смущенно потоптался на месте, затем подошел к королю. Лицо первого камердинера было непривычно бледным.

— Ваше величество, я... наверное, что-то недопонял.

Людовика вдруг захлестнула волна ярости. Королевский гнев был направлен не на Бонтана. Он имел другие причины — причины весьма мрачного свойства...

Людовик отвернулся к окну и усилием воли заставил себя сменить тему разговора:

— Как здоровье вашего сына?

Бонтан не ответил.

— Бонтан, я задал вам вопрос!

Первый камердинер вдруг закатил глаза и шумно рухнул на пол. Людовик опустил рядом с ним, взял за руку, снова и снова повторяя его имя. «Этого не должно случиться! — думал Людовик. — Я не могу тебя потерять! Особенно сейчас!»

Постепенно Бонтан пришел в себя. Его лоб был покрыт испариной, а сам он тихо стонал. Людовик по мог ему подняться и усадил на стул. Вызванные горничные хлопотали вокруг Бонтана, вытирая кровь с разбитого лба.

— Врачи делали все возможное, чтобы помочь моему сыну, — хриплым голосом произнес Бонтан. Не в силах поднять глаза на короля, он смотрел на свои руки. — Но оспа победила докторов. Она забрала моего мальчика... Боже милостивый, мой сын оказался гораздо храбрее меня.

— Я вместе с вами скорблю об этой невосполнимой утрате. Поезжайте домой.

— Ваше величество, мой дом — это вы.

— Побудьте с теми, кого любите.

— Я уже с тем, кого люблю... ваше величество.

Король вздохнул и перевел глаза на потолок.

— Господь наказывает меня, навлекая беды на тех, кто ближе всех к моему сердцу.

— Ваше величество, Господь испытывает вас, предлагая дар. Возмездие и милосердие принадлежат Божьему выбору. И вашему тоже, раз вы — Его наместник на земле.

Людовик опустил глаза. Его лицо начинало

мрачнеть.

— Я уверен, что Господь не просто так вручил вашим заботам это дитя, — продолжал Бонтан.

— Довольно об этом! — повысил голос Людовик.

— Девочка родилась здоровой и сильной. Сохраните ей жизнь.

Людовик наклонился к сидящему Бонтану.

— И что потом? — закричал король. — Ответьте мне!

— Ваше величество... не мне выносить суждения... — Разумеется, не вам. И не кому-либо другому!

В комнате надолго воцарилась тишина. Король и его первый камердинер молча смотрели друг на друга. Близкие люди, друзья, разделенные, однако, неодолимой пропастью занимаемого положения. Людовик несколько успокоился, но его голос оставался по-королевски холодным.

— Тайна, подобная этой, имеет силу горной лавины. Достаточно маленькому камешку начать движение, и вскоре начнется камнепад, сметающий все на своем пути. И тогда привычный нам мир перестанет существовать.

— Ваше величество, — прошептал Бонтан, — я всего лишь имел в виду...

— Оплакивайте вашу потерю. Но знайте свое место.

Людовик направился к двери. Услышав его шаги, слуги тут же распахнули дверь. Коридор был полон придворных, желающих видеть короля. Куда бы он ни

пошел, они всегда рядом, всегда чего-то ждут от него. Взглянув на эту толпу, Людовик велел закрыть дверь. Он остановился возле окна, оперся руками о подоконник и стал дышать на оконное стекло.

— Ваше величество, — начал Бонтан, — пожалуйста, простите меня.

За окном вспорхнули птицы. Свободные, легкокрылые, они сами выбирали, куда им лететь — в сады или дальше, к охотничьим угодьям. Людовик повернулся к Бонтану. По лицу короля тот сразу заметил произошедшую перемену.

— Делайте что надлежит, — сказал Людовик.

Бонтан почувствовал прилив сил. Жизнь снова обрела смысл. Исполненный решимости, он выбежал из комнаты, начисто позабыв про разбитую голову.

Зеленоглазая горничная торопливо шла по главной площади Версаля, прижимая к бедру хлебную корзину. Она помнила, куда и зачем ее послали, однако все мысли девушки были только о чернокожем младенце. Волею случая она увидела и узнала то, чего не хотела ни видеть, ни знать. И теперь над ее жизнью нависла опасность.

— Пстой! — окликнули ее сзади.

Девушка обернулась, боясь увидеть приставленный к голове мушкет. Но ее окликнул всего лишь Шевалье, друг Месье. Горничная немного успокоилась.

— У тебя есть деньги? — улыбаясь, спросил Шевалье.

Горничная покачала головой.

— Зато у меня куча денег. Возможно, кое-что из них я мог бы отдать тебе. А ты бы их потратила, чтобы поехать в Сен-Клу, к своей матери. Здесь тебя никто не хватится. Ты хочешь уехать отсюда?

— Ой, конечно!

Шевалье наморщил нос.

— Тогда расскажи мне, что ты увидела в коридоре возле родильной комнаты, и деньги твои.

Девушка мялась, оглядываясь по сторонам. «Второго такого случая мне не представится», — подумала она. Но крестьянская практичность взяла верх, и горничная сказала Шевалье: — Сначала деньги.

Шевалье не спорил. Он достал кошелек, заглянул внутрь и смущенно пожал плечами. Кошелек был пуст.

— Ты постой здесь, а я схожу за деньгами, — предложил он и ушел.

В этот момент горничная сообразила, что ее предали.

Состояние Марии Терезии не улучшалось. Лицо королевы было покрыто пятнами, она прерывисто дышала. Одна из фрейлин, сидя у постели, читала ей по-испански басни Эзопа, но королева вряд ли слышала слова родного языка. В углу Массон и его дочь шепотом вели спор о лечении королевы.

— Она до сих пор не поправилась, — говорила Клодина.

— Что сделано, то сделано. Ты собрала наши пожитки? Мы должны быть готовы к спешному отъезду. Клодина сжала отцовскую руку:

— Отец, выбросите эти мысли из головы, иначе будет хуже.

— Хуже для нас обоих, дитя мое, если мы не примем меры.

Массон взял канделябр с зажженной свечой и указал на дверь.

— Мы с тобой видели то, чего бы лучше не видеть. Мы же не станем утверждать, будто ошиблись или нам почудилось. Чтобы обезопасить себя, король попросту велит нас убить.

Но Клодина забрала у отца канделябр и резко поставила обратно на стол. Она отказывалась бежать.

На задворках охотничьего замка, за жилищами прислуги, стоял большой амбар, где хранились бочки с водой, зерно и другие припасы. Вдоль стен бегали мыши, а между потолочными балками порхали ласточки. Амбар разделялся на закутки, и в одном из них — пыльном, как и все остальные, — сейчас стояли Фабьен Маршаль и Лорена. Перед ними была бочка, наполненная мутной водой. Лорена держала на руках чернокожую малышку.

— Крести ее, — сказал Маршаль, указывая на воду. — И как следует.

Лорена только сейчас сообразила, зачем Фабьен ее сюда позвал.

— Начинай!

Лорена поднесла ребенка к воде. Младенец жалобно заплакал.

— Я... я не могу, — призналась помощница Фабьена.

— Не спеши, — сказал Маршаль. — Сможешь.

Накрыв своей рукой руку Лорены, он погрузил малышку под воду. Девочка отчаянно засучила ножками, стараясь высвободиться, но ее жажда к жизни не шла ни в какое сравнение с решимостью Фабьена.

— Видишь, как жизнь сражается со смертью? Запомни этот момент. Он дан самим Богом.

Лорена отвела глаза.

— Нет, смотри, — потребовал Маршаль. — Свой первый раз мы все накрепко запоминаем.

Неожиданно послышались шаги, и в закуток ворвался некто с гневно сверкающими глазами. Его руки были угрожающе подняты.

— Маршаль! — воскликнул Бонтан.

Оттолкнув главу королевской полиции, он вытащил ребенка из воды. Девочка снова засучила ножками, закашлялась, а потом подняла рев.

— Мы делаем это, дабы защитить короля! — крикнул ошеломленный Фабьен.

— Вы свое дело сделали, — заявил Бонтан, прижимая к себе ребенка.

— Что ждет это недоразумение за стенами замка? — огрызнулся Маршаль.

— Это уже не ваша забота. Завтра в «Газетт де Франс» появится сообщение о подготовке к

похоронам со всеми надлежащими почестями, какие оказывают скончавшемуся члену королевской семьи. Могила уже готова.

Закутав ребенка в плащ, Бонтан вышел.

— Аукнется королю эта ошибка, — сказал Фабьен вслед удаляющемуся первому камердинеру короля.

Во дворце Кольберу был отведен для работы один из кабинетов, где он сейчас и сидел, усердно корпя над расходными книгами. Он не сразу услышал, как вошел король.

— Господин Кольбер, добавьте к расходам на придворных еще один пенсион.

Смущенный Кольбер поднял голову.

— На чье имя прикажете его записать? — спросил он.

— Оставьте этот пенсион безымянным. Он не должен фигурировать в записях.

Помолчав, король спросил:

— Вы меня поняли? Никаких упоминаний в расходных записях.

— Да, ваше величество.

— Кстати, готов ли модный павильон?

— Портновская гильдия и ее мастера ждут только вашего слова.

Людовик кивнул:

— Вся знать, которая соберется на торжество, должна быть в нарядах из французских тканей. Никаких итальянских кружев или английской шерсти. Этот вечер отразит всю славу и величие наших

французских дарований. Оповестите всех: наряжаться в яркие, живые цвета. Неплохо будет отдохнуть от черного.

По случаю скорбного события в убранстве церкви преобладал черный цвет. Черными были флаги, алтарная скатерть, одежда хористов и сутана священника. Напротив алтаря, на возвышении, покрытом черной шелковой материей, стоял гробик, украшенный затейливой резьбой. Прихожане из числа знати слушали проповедь отца Боссюэ, который благочестивым и проникновенным голосом рассуждал о жизни и смерти.

Людовик наблюдал церемонию из ниши, закрытой занавесом. Его пальцы были крепко сжаты, а сердце и того крепче. Придворный этикет не требовал от короля присутствовать на похоронах его малолетних детей, однако Людовик хотел это видеть. Ему нужно было увидеть «похороны» дочери королевы.

В нише появился Филипп.

— На что смотришь? — спросил брат.

— Мои друзья собрались здесь, чтобы исполнить скорбный долг. Остальные — чтобы порадоваться моему несчастью и посплетничать.

— Ребенок умер. Какие могут быть сплетни?

Людовик сурово посмотрел на брата. «Неужели он что-то знает?»

— Это ты спроси у сплетников, — сказал он Филиппу. — Я понятия не имею.

Филипп глянул сквозь щель занавеса.

— В церкви уж что-то больно весело. Пусть тебя нет в зале, но они могли бы выказать тебе дань уважения. Вот бы у них вытянулись физиономии, появишься ты сейчас.

— Я не выйду. Не могу.

— Поступай как знаешь.

— Откуда в придворных столько непочтительности? Протокол требует иного поведения на похоронах.

— Наверное, нам следовало бы кланяться протоколу, а не тебе, брат, — усмехнулся Филипп.

Людовик схватил Филиппа за воротник.

— А ты был бы не прочь отобрать у меня власть? — спросил король, ощущая закипавшую ярость.

— Разве мы говорили о власти? Твоя дочь умерла. Ее мать лежит одна, больная и испуганная.

— Кто взялся учить меня нравственности? Тот, кто одевается как женщина и совокупляется на женский манер?

Филипп мотнул головой:

— Твоя королева, если бы ей позволило здоровье, непременно была бы здесь и оплакивала свое дитя. А ты, не имеющий препон, решил прятаться. В том-то и дело.

Людовик разжал пальцы.

— Ошибаешься. У меня есть препона, и сейчас она стоит передо мной.

Пунцовый от гнева, Филипп юркнул в боковой коридор и вошел в церковь через общий вход. Вяло перекрестившись, он опустился на скамью рядом с

Генриеттой. Впереди сидел Шевалье.

— Ну как король? — шепотом спросила Генриетта, вытирая со щеки слезинку.

— Я не ошибся в своих предположениях, — качая головой, ответил Филипп.

— Ему бы стоило находиться здесь.

— Он не скорбит.

— Возможно, только на публике.

— Везде. Этот человек не умеет плакать.

— Перед вами он не заплачет. Мужские слезы видит только женщина. Его сердце наверняка разрывается от скорби.

— Его сердце? — насмешливо переспросил Филипп. — Если у него и есть сердце, оно сделано из совершенно другого материала, нежели наши. Разве не так?

Шевалье обернулся к ним и наградил Филиппа дразнящей улыбкой.

— Вы чудесно выглядите, Месье, — сказал он и подмигнул Генриетте.

Генриетта вперилась в него сердитым взглядом. Шевалье, усмехнувшись, повернулся к ним спиной. Тогда Генриетта опустила голову и безудержно разрыдалась.

Устремив глаза к небесам, аббат Боссюэ начал читать «Отче наш». А тем временем в зале далеко не все внимали молитве.

Луиза де Лавальер с печалью и тревогой смотрела на гробик.

Шевалье тоже разглядывал этот шедевр погребального искусства, подозревая беззастенчивый обман.

В глубине часовни Монкур, невзирая на траурную церемонию, улыбался Лувау.

Но за стенами церкви происходили еще более интересные события.

Закутавшись в плащ с капюшоном, Бонтан гнал лошадь по раскисшей, изрезанной колеями дороге, удаляясь от Версаля. Проехав несколько лье, он достиг небольшого женского монастыря, притулившегося к склону холма. У ворот его уже ждали две монахини. Бонтан спешился, подошел к ним и распахнул плащ, под которым тихонько посапывала дочь Марии Терезии.

— Благодарю вас, сестры, — сказал Бонтан, передавая монахиням малышку.

Лорена нырнула в узкий коридор королевского охотничьего замка. В руках она держала важный документ, успев спрятать его раньше, чем поравнялась с шедшим навстречу гвардейцем.

Фабьен Маршалль, посетив задворки замка, нашел зеленоглазую горничную со шрамом на подбородке. Она была одна в своей комнатенке и явно готовилась к отъезду. Фабьену не понадобилось много времени, чтобы обвязать шею девушки рукавами рубашки, поставить горничную на стул, а саму рубашку прикрепить к невысокой потолочной балке. Потом он пинком ноги отшвырнул стул. Вот так. Самоубийство, причем столь очевидное, что в этом

никто не усомнится. Заметив на кровати платок с вышитым цветком, Маршаль спрятал его в карман.

Генриетта сидела в своем будуаре, упираясь локтем в овальный столик. Распущенные волосы ниспадали на плечи. Ее лицо было мокрым и распухшим от слез.

— Мертвое дитя, — в который уже раз повторяла она, прикладывая к щекам кружевной платок. — Вдруг такая же участь ждет и дофина, а затем и его величество?

Мадам де Монтеспан, сообразительная и самая красивая из фрейлин Генриетты, перегнулась через столик и взяла свою госпожу за руку. Маркиза де Монтеспан была красивой, рослой и худощавой женщиной с золотисто-каштановыми волосами и лучистыми глазами. Остальные фрейлины находились в соседней комнате, занятые делом. Одна из них плела кружево для рукавов, другая читала, а третья штопала чулок.

— А ведь вы уже знаете ответ на этот вопрос, — мягко ответила госпожа де Монтеспан. — В таком случае ваш муж стал бы королем, а вы...

— Нет! — возразила Генриетта, отбросив платок. — Я бы не желала жить в мире, где нет моего дражайшего... нашего дражайшего короля! И где есть Шевалье, да убережет нас Господь. Он и сейчас раскалывает двор. Я выходила замуж за одного мужчину, а вынуждена мириться с присутствием его милого дружка Шевалье. Как вам такой «брак

втроем»? Стань мой муж королем, правил бы не он, а Шевалье, который бы всех держал в узде. Мой муж был бы у него ковриком под ногами!

— Вам так кажется, — улыбнулась мадам де Монтеспан. — Ваш муж — прекрасный человек. Из него получился бы прекрасный король. А у вас появилась бы власть королевы.

— Я видела, что власть способна сделать с человеком и как ее у человека могут отобрать.

Мадам де Монтеспан сочувственно кивнула:

— Конечно, в том повинны английские заговорщики и известные события, благодаря которым ваш брат сменил на троне вашего отца.

— Сменил, пока... пока ему не отрубили голову.

— Дорогая Генриетта, успокойтесь. Идемте, полюбуемся на красивые ткани в модном павильоне. Сюда приехали все лучшие парижские портные. Я еще не видела такого изобилия тканей.

— Вы мне лучше погадайте.

Атенаис де Монтеспан не возражала. Она взяла колоду карт Таро и протянула Генриетте. Та дрожащими руками перетасовала карты и положила их лицевой стороной вниз. Госпожа де Монтеспан стала медленно переворачивать карты.

— Карты повествуют нам о прошлом, настоящем и будущем. Ваше прошлое исполнено печали. Однако в настоящем у вас есть друг, желающий вам помочь.

— Если бы я смогла найти такого человека, я попросила бы его только об одном: защитить моего короля, — сказала Генриетта.

Рука Атенаис замерла над последней картой. Фрейлина словно изучала лицо своей молодой хозяйки.

— Вы очень о нем печетесь.

— Я готова сделать для него что угодно.

Мадам де Монтеспан улыбнулась, затем перевернула последнюю карту. Это была Смерть.

«Я ничего не забыл. Я помню все...»

Его отец Людовик XIII умирал...

Король лежал на своем великолепном ложе, окруженный грустными, сочувственными лицами придворной знати обоего пола. Глаза короля потускнели и слезились, однако в них еще сохранялась прежняя решимость. И прежний гнев тоже.

Возле самого ложа стояла Анна Австрийская, держа за руку маленького Людовика. Зловоние смерти отвращало мальчика и в то же время странным образом завораживало.

— Кто это рядом с вами? — спросил умирающий король.

— Ваш сын, Людовик Четырнадцатый, — ответила Анна.

Глаза умирающего остановились на маленьком Людовике. Взгляд их был холодным, даже ледяным.

— Нет. Пока еще нет...

— Ваше величество!

Людовик повернулся к тем, кто его окликнул. Образы прошлого быстро меркли. Фабьен Маршалль и Бонтан стояли возле стола, на котором был развернут

тонкий пергамент. Лист покрывали непонятные символы.

— Подобный шифр я вижу впервые, — признался Фабьен. — Даже наш даровитый криптограф Россиньоля не в силах разгадать его принцип.

— Вы нашли это в покоях Монкура? — спросил Людовик, глядя на Бонтана. — И он все еще на свободе?

Бонтан кивнул:

— На свободе, но под пристальным наблюдением.

— Ваше величество, я не склонен предпринимать какие-либо действия, пока не получу ответ от Россиньоля, — добавил Фабьен.

Король склонился над пергаментом и некоторое время вглядывался в него.

— Стало быть, мы не знаем, о чем говорится в зашифрованном послании.

— Эти значки очень похожи на шифр, который мы обнаружили у пленных.

— У испанцев. Выражайтесь точнее.

— Должен признаться, ваше величество, мы не знаем наверняка, кто они такие. Те, кто замышлял против вас, отнюдь не желали, чтобы их замысел увенчался успехом. Это был, так сказать, пробный шар, пущенный с целью проверить, насколько крепка наша оборона. А чтобы отвлечь внимание от истинных устроителей, злоумышленники вполне могли свалить все на испанцев. Важно другое. Кто-то из придворных им помогал. Кто-то был их пособником.

— Следует немедленно вызвать Монкура и потребовать объяснений, — сказал Бонтан.

Маршал покачал головой:

— Пока лучше не предпринимать никаких действий и просто собирать сведения. Кстати, этот пергамент лежал у Монкура прямо на бюро. Он даже не потрудился спрятать столь компрометирующий документ.

Бонтан задумался.

— Возможно, он не знал истинного предназначения этого послания.

— Вы никак друг Монкура? — не выдержал Фабьен.

— Я — друг истины, — невозмутимо ответил Бонтан.

— Одно мы знаем наверняка, — сказал Фабьен, поворачиваясь к королю, — существует заговор против вашего величества.

Слуга доложил о приходе Кольбера. Вскоре появился и сам главный контролер.

— Фабьен, а вам не кажется, что заговоров больше, чем один? — спросил Людовик. — С одной стороны — чиновники-казнокрады. С другой — кровожадные испанцы. Теперь еще и какая-то повесившаяся горничная. Никак и она тоже замышляла против меня? Или не смогла заплатить налоги и с горя повесилась?

Услышав про горничную, Бонтан впился глазами в Фабьена.

— Налог со слуг незначителен.

— Однако значит гораздо больше, чем для любого аристократа, — заметил король.

— Разумеется, ваше величество, — подхватил Кольбер. — Как известно, знать вообще не платит налогов.

Людовик ходил вокруг стола. Собравшиеся молчали, не мешая королю думать.

— Сколько дворянских семей должны посетить наш модный павильон? — спросил Людовик.

— Приглашения были разосланы всем, кто живет в пределах одного дня пути от Версаля, — ответил Кольбер.

Людовик остановился.

— Позаботьтесь о том, чтобы все они приехали. Объявите, что каждый придворный непременно должен посетить павильон. Монкур — не исключение. Качество мышеловки определяет не пружина и не захлопывающаяся дверца...

— А запах сыра, который заставляет забыть обо всем остальном, — подхватил Маршаль.

Бонтан сердито поглядел на главу королевской полиции.

— Туше! — ответил король.

В королевской конюшне имелось помещение, где хранились седла, уздечки и прочая конская упряжь. Дверь туда была плотно закрыта. Там собрались военный министр Лувуа и несколько швейцарских гвардейцев, которые по его приказу не довели архивы до Версаля. Говорили вполголоса. Неожиданно в

дверь дважды постучали, потом еще дважды и, наконец, один раз. Это был условный сигнал.

Гвардеец открыл дверь, впустив Монкура. Из-под нависших бровей сверкнули глаза, полные страха.

— Встречаться здесь крайне рискованно, — выдохнул Монкур.

Лувуа скрестил руки на груди.

— Пока королева больна, мы не можем покинуть Версаль. Король этого не допустит.

— Возможно, дело не в королеве, а в намерении самого короля.

— Этот модный павильон как магнит притягивает к себе окрестную знать, — сказал Лувуа. — Едут семьями, поглазеть на наряды так называемой Карусели тканей. А потом... они вернутся к себе домой. Нам представился редкий шанс заявить о нашей позиции, да так, чтобы весть о ней разнеслась по всем уголкам Франции. Она достигнет нужных ушей, и многие захотят примкнуть к оппозиции. Строительство Версальского дворца надобно прекратить в самом начале. Даже король не сможет противостоять волне недовольства.

Шевалье усмехнулся и сделал выпад. Филипп с легкой улыбкой парировал удар. Он приказал подать им мяса и фруктов, но ни он сам, ни Шевалье так и не притронулись к угощению.

— Туше! — крикнул Шевалье.

Он взмахнул шпагой, выбив оружие из рук Филиппа. Затем подошел поближе. Острие шпаги

застыло против горла Филиппа, затем медленно начало опускаться.

— Некая горничная раздражается слезами и рассказывает тебе о королевском ребенке, — насмешливым тоном говорил Шевалье. Теперь острие его шпаги покачивалось возле чресл Филиппа. — А теперь она мертва. Нам объявляют, что мы не можем покинуть Версаль, поскольку королева все еще нездорова. Я никак не могу понять, что скрывает твой брат?

Непринужденная обстановка, царившая во время их поединка, мгновенно исчезла. Филипп отошел в угол.

— Советую думать о том, что ты говоришь, да еще столь громко.

— А может, дочь королевы до сих пор жива?

— Мы были на похоронах.

— Мы видели закрытый гроб, и не более того. Брат считает тебя слабаком. Изнеженной сукой. А в тебе больше силы, чем ты думаешь. Так воспользуйся ею!

Филипп взял со стола пирожное.

— Что бы ты ни говорил, мы с братом одной крови. Росли под одной крышей.

Надкусив пирожное, Филипп бросил его обратно на тарелку и повернулся к Шевалье. Лицо Месье вдруг просветлело. Он обнял и поцеловал Шевалье.

— Разумеется!

— Что за загадки? И с чего ты так развеселился?

— Идем! — сказал ему брат короля. — Если уж мне суждено быть сукой, то и вид у меня должен быть

соответствующий!

Фрейлины нарядили Генриетту в новое платье из золотистого солнечного шелка, вырез которого был расшит драгоценными камнями. В этом наряде она собиралась показаться на Карусели тканей. Филиппа, как обычно, не занимало, во что одета его жена и как она выглядит. Если он что и замечал, то лишь с целью упрекнуть ее в отсутствии вкуса. Зато король...

Дверь в ее покои открылась, и вошел Людовик. На нем был темно-фиолетовый плащ с горностаевым воротником, камзол с затейливой вышивкой на груди, а шею украшала золотая цепь. Темные волосы короля были откинута назад. Глаза горели нескрываемой страстью.

Генриетта опустила глаза.

— Не стоит отводить глаза от короля, — сказал ей Людовик. — Особенно когда вы выглядите как сейчас.

Он махнул фрейлинам:

— Оставьте нас.

Фрейлины юркнули в соседние помещения.

Людовик шагнул к Генриетте:

— Я еще не видел тебя красивее, чем сейчас. А теперь... я хочу видеть твою естественную красоту. Раздевайся.

Сердце Генриетты затрепетало от любви. По телу разлилась волна страстного желания. Она разделась перед королем. Воздух немного охладил ее горячую плоть. Генриетта стояла нагая и готовая к любовному соитию.

— Повсюду говорят о войне, — сказала она.

— О войне всегда говорят.

Пальцы короля путешествовали по ее груди. Соски затвердели, словно предвкушая продолжение ласк.

— Мой муж с радостью отправился бы воевать.

— Неужто он всерьез хочет на войну? — спросил Людовик, расстегивая сорочку.

— Он только и говорит о войне, и почти ни о чем другом.

Король снял сорочку, затем панталоны и притянул Генриетту к себе.

— Если я пошлю его во Фландрию, он ведь может не вернуться.

— Доблестная смерть не страшит моего мужа. Меня тоже.

Шея Генриетты чувствовала жар королевского дыхания. Губы Людовика были совсем рядом.

— Между прочим, ты говоришь о моем брате, — прошептал король.

— Я говорю это вслух, а вы, ваше величество, об этом молча думаете.

Людовик гладил ей волосы, глядя в глаза. Взгляд короля был пронизательным, уверенным и любящим. Приподняв подбородок Генриетты, Людовик слился с нею в глубоком, долгом поцелуе. В тот момент Генриетта принадлежала только ему. Целиком и безраздельно. Она забыла даже о карте Смерти.

Пока Людовик и Генриетта наслаждались в тишине ее покоев, модный павильон распахнул свои двери для придворных. Карусель тканей была

величественным, впечатляющим и очень ярким зрелищем. Она чем-то напоминала шумный восточный базар. Десятки портных и торговцев тканями предлагали свои изысканные товары. Помимо рулонов материи, они привезли сюда модные платья, плащи, пелерины и панталоны. Повсюду были расставлены манекены в человеческий рост, наряженные в образчики товаров. Помимо готовой одежды и тканей, вниманию придворных предлагались разложенные на столах маски, туфли, духи, перчатки и украшения из редких самоцветов. В помещениях и коридоре толпились не только придворные, но и окрестная знать, жившая в непосредственной близости от Версаля и успевшая приехать сюда. Те и другие были зачарованы роскошью и великолепием Карусели тканей. Мужчины и женщины с одинаковым восторгом бродили между прилавками, дотрагивались до манекенов, примеряли наряды на себя и, конечно же, покупали. Монкур выбрал несколько рулонов самых красивых и дорогих тканей и теперь, сгибаясь под тяжестью покупок, нес их к выходу. Поблизости прохаживался Маршалль. Глава королевской полиции делал вид, будто разглядывает ткани, но на самом деле он внимательно следил за всей этой пестрой толпой.

Среди посетителей Карусели тканей, конечно же, были и Беатриса с Софи. Софи шумно восхищалась шляпами с перьями и кружевными перчатками. Беатриса старалась наряжать дочь изысканно, полагая, что каждому драгоценному камню непременно

требуется и соответствующая оправа. Материнское сердце грели восхищенные взгляды, бросаемые на Софи придворными.

— Мужчины обожают войну, — шепнула дочери Беатриса, когда Софи разглядывала платье из золотистого шелка. — Но они сражаются шпагами, а мы — нашей красотой. Цель в обоих случаях одна. Завоевание.

— Я хочу это платье, — сказала Софи.

— Тебе понадобится не только платье. К нему нужен браслет с филигранью и бриллиантовое кольцо.

— Где же взять столько денег?

— Об этом позволь беспокоиться мне. А твоя забота — обеспечить мне короля.

У входа в павильон случилось нечто, на время затмившее великолепие Карусели тканей. Все, кто находился поблизости, поворачивали головы и глазели на то, чему не находили объяснения. В павильон только что вошли Шевалье и Филипп. Брат короля был в великолепном женском платье ярко-красного цвета с серебристой отделкой. На щеках Филиппа лежал слой румян. Видавшие виды придворные и те были ошеломлены. Что же тогда говорить об окрестных дворянах и их женах! Большинство зрителей молчали. Кое-кто рукоплескал. Многие беспокойно переглядывались.

Подойдя к Филиппу, Маршалль подал ему вышитый платок. Увидев это, Шевалье торопливо повлек Филиппа в сторону. Их променад продолжался. Филипп двигался с достоинством, держа голову

высоко поднятой.

Несколько мальчишек-подростков, в силу юного возраста и недостаточного знакомства со светским этикетом, прыскали в кулак за спиной у странной пары. Их настроение передалось взрослым, которые начали перешептываться. Чувствовалось, что явление Филиппа в женском платье вызывало у них не только изумление, но и неприятие.

Еще через какое-то время послышалось хрипловатое хихиканье, быстро переросшее в громкий смех. Филипп обернулся и увидел мужчину средних лет, потрепанного сражениями. Глаза воина, однако, не смеялись, оставаясь жесткими и суровыми.

— Извольте насмеяться надо мной? — поджав губы, спросил Филипп.

— Как тут не смеяться? — спросил вояка, в голосе которого сквозило презрение. — Вы же позорите короля.

Знать разинула рты. Швейцарские гвардейцы подошли ближе, готовые вмешаться.

— Насмехаясь надо мною, вы насмехаетесь над моим братом, — заявил Филипп. — Стало быть, вы — предатель.

— Я участвовал в сражении при Сен-Готарде и бил турок во славу нашего короля. Это вы тоже назовете предательством?

— Я говорю о вашем поведении здесь.

— Если я вас ударю, вы упадете. Это будет стоить мне жизни.

— Слово даю: вас никто не тронет. Нападайте на

меня. Ударьте... если осмелитесь. Но я вижу, что вы трусили.

Филипп знаком приказал гвардейцам не вмешиваться. Гости попятились. Торговцы и портные беспокоились за свои товары.

Воин отвесил Филиппу шутовской поклон, затем схватил его обеими руками и припечатал к стене. Филипп закашлялся и вскоре высвободился, ударив противника в челюсть. Воин зашатался, но устоял на ногах. Дернув Филиппа за руку, он порвал рукав платья и вновь швырнул королевского брата на стену. Филипп вывернулся и что было силы ударил насмешника по лицу. Воин сомкнул кулаки и обрушил это подобие дубины на голову Филиппа. Филипп со стоном рухнул на пол, сплевывая кровь. Падая, он сильно поранил щеку. Воин навис над ним, шумно дыша и оскалив желтые зубы.

Швейцарцы хотели были прекратить поединок, но Филипп поднял руку.

— Отойдите, — велел он, кашляя и сплевывая новую порцию крови. — Я дал ему слово.

Гвардейцы отошли. Филипп отер кровь с лица, сбросил изящные женские туфли и с заметным трудом поднялся на ноги. Воин зарычал, схватил с ближайшего стола тяжелый железный утюг и, размахивая им, наступал на Филиппа. Брат короля сумел увернуться. Один раз, второй. Затем, увидев на голове манекена шляпу с булавкой, Филипп вырвал булавку, подскочил к противнику и глубоко вонзил свое оружие воину в глаз.